

СЛОВАРЬ читателя «СМЭНЫ»

Просим читателей направлять в редакцию отзывы о материале, помещаемом в нашем «Словаре», а также сообщать о тех словах, разъяснение которых вы хотели бы найти на этой странице.

ГЕРБ

В средние века, когда завоевание в тяжёлой броне рыцарей отправлялись воевать, они разрывали свои доспехи, чтобы их легко можно было отличить во время рукопашного боя. Эти отличительные знаки, красовавшиеся

Государственный герб Союза советских социалистических республик.

на шаблах, знаменах, щитах, и составили впоследствии основу для многих гербов буржуазных государств.

Двуглавые и одноголовые орлы, грозные львы и всякие прочие существа, в обильном количестве встречающиеся на гербах и знаменах многих капиталистических держав, лишь раз подвержены хищнический, кровавый характер того строя, на вратах которого красуются все эти эмблемы.

Так называемый антикворский пучок и толпы, вторичными украшающие гербы и знамена современной Италии, являются выразительным символом кровавого господства италийских фашистов. Авторами в Арецции Риме назывались орлы на вышних чиновников. Пучок роз — по-латыни «fascis» («фасцес»). Отсюда, между прочим, и наименование «фашисты». Современные фашистские охранники до сих пор поназываются наряду с более усовершенствованными органами печати и расправы все теми же сексией и пучком розов, несущую по поламывшим в герб фашистской Италии.

Хищные звери фашистской секссии заставляют с отвраще-

ем и содроганием вспомнить о шупальцах Гестапо.

Гербы нашей великой родины и такой же мере отличаются от гербов буржуазных стран, и какой советский строй отличается от строя капитализма.

Первый герб Российской социалистической феларативной республики утвердился в 1918 году. На гербе первого в мире пролетарского государства горели пламенные слова «Коммунистическое манифест»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Знамя и герб Республики советов решил над нашей страной как символ освобождения и счастья трудящихся. Владимир Ильич в записке к Клементу Ефимову с восторгом описывал её новую государственную печать пролетарской державы.

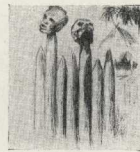
Теперь, как сказано в 143-й статье Сталинской Конституции: «Государственный герб Союза Советских Социалистических Республик состоит из серпа и молота на земном шаре, изображённом в лучах солнца и обрамлённом колосьями, с написанием на языках союзных республик: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». На вершине герба имеется пятиконечная звезда».

Герб Советского союза — это живой символ мирного труда и дружбы народов, несущий вину немую родины. Серп и молот олицетворяют государство, где уничтожены наветы эксплуатации человека человеком и осуществлен непрерывный союз рабочих и крестьян.

Полные чувства подлинной гордости, граждане нашей страны не раз повторяют при взгляде на государственный герб замечательные слова Маяковского, сказанные о советском паспорте:

«Читайте,
завидуйте,
я —
Гражданин
Советского Союза».

Каннибализм — дикие племена, почитающие людей, людоеды, стоящие на чрезвычайно низкой ступени человеческого развития. Каннибализм отличается крайней свирепостью. Известной дикой расы, живущей в Южной Америке. Есть основания полагать, что испорченное название этого племена даило самое название «каннибализм».

Трофеи дикарей-людоедов.

Как синоним жестокости, олицетвления и массового истребления людей понятие «каннибализм» воле-

ПРАВДА

Учить массы и учиться у масс!

ГАЗЕТА

Невозможно установить того, когда появилась первая книга. Не знаем мы и то, когда появилась первая газета. История ее неосчитается не одно столетие, и так же, как непохожие гниющие дощечки на остовах Плутона, так непохожие экземпляры «Акта диты», выходящие при Юлии Цезаре, на нашу «Правду». Подлинный экземпляр этих записей вывешивался в виде афиши на городской площади, а сшитые с него грамотными рабами книги рассылалось по другим городам Римской империи небольшим купцом приватизированным аг.

Получив, в XV веке, в Венеции, центре тогдашней мировой торговли, появились рукописные ежедневные листки. В них читатели извещались о важнейших событиях из жизни Венецианской республики и связанных с нею стран. Листки эти продавались за мелкую серебряную монету, которая называлась «Салета» (около 2 коп.), и сами листки уже начали называться «Газета». И когда в начале XVII века в Европе появились настоящие печатные газеты, первую французскую газету ее издатель — врач Ренодо — назвал по имени этой монеты: «Газет» (теперь «Gazette de France»). Так это слово вошло почти во все европейские языки.

С развитием книгопечатания и организации регулярной почтовой связи в Европе газеты получают все большее и большее распро-

странение. Выходили они сначала ежедневно, потом — два раза в неделю. 11 марта 1702 года в Лондоне вышла первая номер первой ежедневной газеты «Дейли курьер».

В России газета появилась в XVII веке, при царе Алексее Михайловиче. Это были рукописные «Вестные листы», или «Курьеры». Они составлялись в посольском приказе по иностранным делам и по доносам иностранных агентов. Первая настоящая газета начала издаваться по распоряжению Петра I. Называлась она «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах».

Очень скоро господствующие классы поняли, какую силу представляет собой газета. С середины XVII века она перестает быть только информационным источником и становится в мощное орудие политического воздействия на массы.

Газеты играли свою роль уже во время английской революции 1649 года, но особенно большое значение приобрели во время великой французской революции 1789 года. Тогда газета точно определялась как орудие политической борьбы. Достаточно сказать, что в олимп Париже с мая до конца 1789 года возникло более 150 новых газет. Знаменитый деятель великой французской революции Марат был первым крупным журналистом-революционером. Он издавал газету «Друг народа».

Марксизм-ленинизм отдал газете, печатному слову исключительную роль в деле разрушения капиталистического строя и создания коммунистического общества. Маркс боролся против реакции со страниц «Новый рейнских газет» и других газет. Ленин, создавая большевистскую партию, издавал газету «Искра», могущую рычать революционного движения. Ленин и Сталин были творцами большевистской «Правды».

КАННИБАЛЫ

не применимо к современным фашистам.

«Германские фашисты», — сказала товарищ Молотов в своей речи на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советских депутатов, — жили герострату славу современных каннибалов, что в переводе на русский язык означает «современных людоедов». У нас нет дикости и чувства к нежному германскому народу, кроме чувств дружбы и искреннего уважения, но господ фашистов лучше бы все отослать к такой падин, «нации» «высшего» порядка, которая именуется «нацией» современных каннибалов-людоедов».

Когда я слышу слова «культура», я спускаю предохоранитель у своего браунинга», — пишет Геббельс; и это типично для отношения современных каннибалов к культуре.

Столь же типично заявленное одного из испанских фашистов, прибавляя к генералу от каннибализма Франко, что в Испании надо уничтожить 500 тысяч человек для «успокоения» страны. Годы труполов в Абиссинии, расстреливания немцами Гитлера и Муссолини в Балахосе и Севилье, Малаге и Касересе, по Гестапо, введение казни с пы-

«Трофеи» современных людоедов. Итальянские люди, убитые фашистами во время бомбардировки Мадрида.

мощью топора — вся эта кровавая практика современных людоедов правильно характеризована с социальным «фашистский каннибализм».

Ж у р н а л
рабочей молодежи
Орган ЦК и МК ВЛКСМ

СМЕНА

Апрель 1937 года
Номер четвертый
Год издания XIV

Гравюра худ. Староусова

ЛЕНИН НА БРОНЕВИКЕ.

16 (3) апреля 1917 года Владимир Ильич Ленин приехал из-за границы в Петроград. Вот как рассказывает об этом историческом событии «История гражданской войны»: «...Ленин появился на ступенях вокзала. Площадь оживла. Многотысячная «трупа» встретили вождя. Ленину помогли влезть на броневик. Простотона ослепли Владимира Ильича. Чуть потоптавшись на месте, словно пробуя крепость броневика, Ленин уверенно бросил в затихшую толпу свой призыв к мировой социалистической революции. Речь Ленина сразу подняла революцию на новую ступень» («История гражданской войны», Т. I, стр. 160).

КАПИТАЛИЗМ ДУШИТ НАУКУ

Моя трудовая жизнь до 32 лет (1922 год) была посвящена бактериологии. Я изучал эту науку сначала в Мичиганском университете, затем, во время войны, в североамериканской армии и после войны — в Рокфеллеровском институте. Все это время меня особенно сильно увлекал драматический элемент науки, ее романтика, а не сама научная работа. И этот инстинкт (рефлекс, как сказала бы наша Павлова), естественно, привнес меня к попытке рассказать историю науки на популярном массам.

Так появились «Охотники за микробами», «Борьба со смертью», «Семеро железных людей», «Борьба с голодом». Но еще до того я получила первые урны писательского мастерства от знаменитого писателя Синклера Льюиса, которому я помогла в работе над романом «Эрпусмунт». По своим социальным взглядам я в то время была совершенно невеждой, и мы оба, и Льюис и я, считали, что наука есть, лишь искание «чистой истины» и что попытки применить ее для облегчения человеческих страданий ведут только к унижению науки.

Опыт истекших лет, в особенности лет великого экономического кризиса, основательно изменили мои взгляды.

М-с-с де Крюи (моя постоянная сотрудница в работе) и я получаем тысячи писем, рассказывающих о трагической судьбе людей, которые прочитали наши повести о научных открытиях, но в условиях гнилого и порочного капиталистического строя лишены возможности прибегнуть к спасительной науке для облегчения своих страданий и нищеты. Эти письма были нашей истинной школой. И вот около четырех лет назад м-с-с де Крюи и я начали упорные поиски средств, которые могли бы в конце концов вывести из этого унизительного положения науку — славу и гордость человечества.

Редакция журнала «Смена» обратилась к американскому писателю Полю де Крюи с просьбой рассказать советской молодежи о его жизни и работе. Полю де Крюи прислал редакции в ответ свою последнюю книгу — «Зачем оставлять им жизнь?» — и письмо. В своем письме этот замечательный писатель-ученый, известный нашему читателю своими прекрасными книжками — «Охотники за микробами» и «Борьба со смертью», — рассказывает о своей жизни, работе, исканиях, в результате которых он проник невольностью к капиталистическому строю. Ниже мы печатаем основную часть этого письма и отрывок из книги «Зачем оставлять им жизнь?».

Правдивое описание этого периода духовных родовых мук вы найдете в книге «Зачем оставлять им жизнь?». Поэтому в письме не стоит вдаваться в подробности. Работая над этой книгой, я пришла к заключению, что только восстание народных масс положит конец позорному унижению науки.

С того времени (1934 год) я занялся изучением социалистической теории и практики. Я сосредоточил свое внимание на том практическом испытании марксистской теории, которое было осуществлено Лениным, Сталиным и нашим великим русским народом — пионером в этом деле. Я внимательно прочитал и проложил чистую произведения Ленина. Эти занятия я посвящаю все свободное время, остающееся у меня от писания научно-популярных книг. Но и к своей литературной работе я теперь подхожу по-новому: меня занимают не только смысле поиски новых научных открытий, но и возможность применения всех, уже добытых научных знаний для пользы масс.

Я понимаю, что все это может быть осуществлено только в социалистическом государстве, ибо только в таком обществе может существовать правильное распределение материальных благ. Заставить понять это и других американцев — вот задача, которую я себе поставила, работая над новой книгой — «Умереть стоит денег».

..В заключение разрешите заверить вас, что, хотя мне и не посчастливилось побывать в СССР, я глубоко убежден, что народы Советского Союза идут сейчас вперед всего человечества и что наше дело является путеводной звездой для всех народов мира.

Если бы не работа над книгой «Умереть стоит денег», я был бы теперь на пути в вашу страну. Моя давнишняя мечта — написать биографию вашего великого Павлова.

Но сейчас нам, американцам, надо готовиться к нашей собственной борьбе. Потому что, говоря словами Сталина, «революция не экспортируется». Нам предстоит тяжелая борьба прежде, чем произойдет восстание и к власти придут рабочий класс и крестьяне; потому что наша бюрократия очень сильна и не разлагается, как было у нас, когда Ленин провел в жизнь свой лозунг «Вся власть советам!» в октябрьские дни 1917 года и в последовавшей гражданской войне.

Прощу вас передать всем комсомольцам, что желание и мечта де Крюи таковы: когда начнется фашистская реакция, — быть из своим несту.

Очень благодарю вас за внимание.

Paul de Kruif.

се не мучила боль в сердце, веселилась и радовалась как прежде, — это ее мать особенно подлиняла.

Так шло до субботы. Да, это она хорошо помнит, дело было в субботу. Джион пожаловался на боля в плечте, начал стонать и плавать. А в полдень у нее пошла кровь носом. Уж и холодные примочки жали и все, что хотишь, — никак нельзя было остановить кровь.

В шесть часов пришла доктор и, как посмотрел на нее, сразу забеспокоился. Джион была блела, как мел, и то делала неподвижно, то вдруг начинала корчиться и стонать от боли. Пришел еще один доктор, и они решили, что Джион нужно сделать переливание крови.

Вот как случилось, что ноябрьским вечером, в метель и стужу, смертельно больной ребенок, на коленях у изможденного отца, в автомобиле, которым правил дядя, пустился в семидесятикилометровое путешествие в университетскую клинику Эйн-Арбор.

Университет вряд ли мог помочь больному сердцу Джион. Но он мог дать кровь для переливания бесплатно. Очень существенное обстоятельство.

Отцу Джион рассказывала, как она радовалась этой автомобильной прогулке. Между приступами висцеральной боли, заставлявшей ее громко вскрикивать, она вытиралась у него на руках и делала спокойно, радуясь быстрому ходу машины. Она то и дело открывала глаза, смотрела на отца и улыбалась.

Такшло, пока они не поровались с фабричной компанией Келлогг за Боттл-Крикком.

Только что они проехали фабрику Келлогга, как Джион вскрикнула в последний раз. Потом она затихла и так долго лежала спокойно, что они встревожились и остановили машину. Отец взял Джион на руки и вышел с ней в метель к фарам автомобиля. Снег так и валял, рассказывала мать Джион, и вот девочка открыла глаза и посмотрела на отца, и губы у нее сложились в улыбку — такую широкую и ясную, словно она знала, что улыбнется ему в последний раз.

В Альбион-госпитале, куда они теперь поспешали, отца и дядю Джион подтвердили, что улыбка Джион на заснеженной дороге, в ярком свете фар, была ее последней улыбкой. Была половина второго ночи, стоял сильный мороз, и в переливании крови, которое можно проделывать бесплатно в клинике Мичиганского университета, уже не было нужды...

* * *

Не так давно под впечатлением истории маленького Джион, которую мне тогда только что рассказывали, я написал одному человеку. Этот человек достиг колоссального богатства прежде всего благодаря своей интуиции ученого, благодаря своему необычайному искусству обращать науку на благо человечеству. Разумеется, он не сам сделал все научные открытия, которыми пользовался. Эти открытия составляли общее достояние, наследие двух веков, сложившиеся из усилий тысяч амбициозных, терпеливых, неустанных в своих поисках, окрещенных наследкой людей. Это наследие принадлежит всем нам. Оно должно быть так же доступно людям, как воздух, как солнечный свет. Это — ценность, которую нельзя сделать предметом спекуляции.

Я тогда не знал еще, как велик у богатых людей страх потерять свое богатство, как этот страх определял все их жизненную философию, и у меня хватило наивности написать тому богачу, что я считаю позором, если в стране колоссальных богатств, в стране, где есть все предпосылки к тому, чтобы всем без исключения обеспечить хорошую жизнь, — погибают от нищеты маленькие дети; что мыслю об этом вызывает у меня головокружение, физическое ощущение тошноты.

Он очень любезно ответил на мое письмо. Он советовал мне запастись терпением. Он писал, что вот уже тысячи лет унижают миллионы детей, и нельзя спасти их всех сразу.

Что касается моей тошноты, — он весело рекомендовал мне принять дурулалексид соды.

Это письмо потрясло меня и откило у меня дурта.

Я твердо знаю, что никакая сода не умерит моей тошноты, если этот позор будет продолжаться.

Я понял, что хитрые люди, сумевшие присвоить наследие науки, никогда не захотят поделиться с другими.

Я понял, что анищета, порожденная стражом, делает их равнодушными к страданиям больного ребенка.

Я понял, что рано или поздно брат встанет на брата и друг пойдет против друга ради решения вопроса: кому принадлежит наука?

Я знаю теперь, что как только народные массы поймут истинную суть истории нашей Джион, как только им станет ясно, кто урезывает им пищу, одежду, кров, науку, способную дать здоровье и счастье, — они обидятся, думая о миллионах маленьких мучеников, погибших Джион.

Они испонит о войнах между народами, которые так ловко отвлекали их внимание от полуголодной жизни, от нищеты, убивающей их детей.

Они спросят: если для войны, для истребления людей, всегда находился неограниченный кредит, если не было еще случая, чтобы война прекратилась из-за отсутствия долларов, фунтов, марок или фито, — почему же не находится достаточно средств на вооружение науки — ради будущего спасения всех детей с больным, как у Джион, сердцем?

И тогда перед ними откроется путь, простой и ясный, явкий им и должен быть, чтоб побудить массы к гневу и к действию.

И тогда мы услышим мерный шаг человечества, идущего вперед несмотря на слезоточивые и кровавые газы, несмотря на атомный огонь. И когда война его станет лицом к лицу с теми, кто присвоил себе общее наследие, они сплотятся:

— Кому принадлежит наука?

И они сами найдут ответ.

Перевод Е. КАЛАШНИКОВОЙ

Рис. П. Клетгенберг.

..Отец взял Джион на руки и вышел с ней в метель к фарам автомобиля..

НА БЕЛЫХ ПОЛЯХ

Котовский ехал вперед на рыжем своем Орлеке, влятом в плен у Тирасполя. Конница вошла в дубовую рощу. Неожиданно послышался выстрел. Гучи крикнул: «Котовский! Отступай назад!» За ним шли два кавалерийских полка. Первые шеренги вооружены были пиками; на пиках развевались пестрые знамена.

Каждый полк имел хор трубачей; трубачи посажены были на белых коней. Поляки издалека двигались пулеметами. Горазде четверки двигались паром, на тушках конских боксов сидели новые пехотники на симолиной кони. За пулеметами двигались пушки. И неморские и украинцы орудия цокалоли прекрасными конями. В конце табуна бесконечный обоз: флотин, увезенные на помпических именных, тащачки, подводы, оружейные мастерские, артиллерийский парк...

Это была жизнь! Туда село из сыновей кони сарнишю под тиками телом Котовского. Обернувшись назад, он сел боком в седло. Он оглаживал свое богатство. Он был командиром бригады. Он привнес уже бой и ощущал славу, которой надедался его революция.

Он думал о своем прошлом. Да, пощади останис тяжелые годы. Одиной бунтарь, с горсточкой приверженцев, переживший, как в бога, сражался он с царскими охранниками. Из глубокого подполья прострала он жарюющую руку на дворян помещиков и богачей. Его травили, как вока, заключали на каждом перекрестке.

Сейчас все переменялось: революция сдвигала его полководцем. У него было восемьсот храбрых, посаженных на коней. Восемьсот храбрых, каждый из которых стоил питей! Какие люди! Он знал их наперечет.

Здесь были бедные бессарабы, родной которых стал все земной шар.

Здесь были украинские партизаны, которые мальчишками валились за оружие, чтобы сына не стало рабами.

Здесь были испитанные кавалеристы, не связанные с конюшью империалистическую войну. Она была у всех обаяла страсть — нехватка в краху...

В Петрограде ему дали трех коммунистов: Местоназов, Чисткова и Саломова. Местоназов был у него комиссаром — пресловудный кавалерист и кристаллической чистоты большевик. Двое других, думал Котовский, станут прекрасными командирами — лишь бы их не убьют.

Характером Котовский изменился мало. По-прежнему он терпелся, видел простое человеческое горе. Какова бы ни была спешка, он способен был сдаться с коня и полить убитого ребенка. Но нрав его стал жестче: в Тирасполе он собственноручно застрелял коменданта штаба, устроившего пьяный беспорядок. Он хорошо понимал все то, что говорил ему первый его комиссар Христофоров. А Христофоров говорил так:

— Грisha, помни: война, которую мы ведем,—это малая война, не такие ее войны предостоят нам в будущем. В малой же войне —еще больше чем в большой —победу решает отпущение населения к войне на войну армий. Народ помнит. Грisha, помни это... Мы сами—народ... Если все ребята это поймут, никогда не будет у нас никаких столкновений с населением.

Честно бригады Котовский соблюдала строгость. Он способен был простить любой проступок, но с мародерами и хулиганами в собственной бригаде расправлялся беспощадно. И широким войском по Украине гремела слава о непоколебимой бригаде Котовского: ни один краснов

В № 2 «Смены» была помещена отрывок из новой повести А. Гарри о героической войне Григория Ивановича Котовского. В нем описаны последние дни жизни Котовского в 1919 году: боя против Юденича, Деникина и Мамно. Печатаемый ниже отрывок из той же повести рассказывает о разном Котовском: беломонок и петлюровцев—разном, в котором бригада Котовского сражалась исключительно роль.

арией этой бригады не возьмет у крестьян без разрешения хотя бы колючих сена.

В конце апреля двадцатого года полякам удалось провать фронт красных в районе Винницы. Произошло это благодаря измене галицких дивизий, сражавшихся некоторое время на стороне красных, предавшихся полякам. Восстание галичан началось так.

Винница расположена была в ближайшем тылу. Здесь стоял тыловой штаб дивизии. Неожиданно, среди белых дней, в центре города стали разрываться артиллерийские снаряды. Сначала думали, что это бомбы с аэропланов, но аэропланов нигде не было видно. Оказалось, что галицкие части, расположенные вокруг города, открыли стрельбу.

Как и всегда, на самый опасный участок фронта была брошена бригада Котовского. Бригады полк под командой Макаренко посланного в тыл, и зарубил около тысячи человек, обратив в бегство остатки дивизии. Котовский с терпением наблюдал, как поляки, около двухсот пленных и богатый бой.

Но поляки умели воспользоваться временными замешательствами, происшедшими на фронте благодаря измене галичан, в образованности прорыв ринутся голубые колонны галетских летчиков. Фронт красных стал сдвигаться на восток. Потерянные в страшных боях, изуродованные голодом и разлитием, поляки отходили в полном беспорядке. Бригада Котовского прикрывала отступление. В ежедневных боях Котовский обегал дивизию от оккупированных населенных пунктов, избивала патрули уда, мешала польской разведке.

В первых числах мая по бригаде с тыла ударила неизвестный противник. Допущенная возможность, что поляки обогнали Котовский выслал на разведку в район станции Вапнярка эскадрон второго полка под командой Кривоножко. Кривоножко привнесла сведения: он наблюдал, что поляки, как пух, и насаску вырубала целую бану Тютюнника, насчитывавшую не менее четырехсот штыков. Сам залучивший атаман Тютюнник сдал унос ноги. Это было первое его встреча с котовцами. Впоследствии ему пришлось встретиться с ними еще два раза, и оба раза—при еще более трагических для него обстоятельствах.

Отступление было приостановлено. На линию огня выступила в спешном порядке перебросенная с юга Первая Конная армия Буденного. Котовскому приказано было овладеть Белой Церковой. Горю, что был превосходяще укреплен поляками: несколько линий окопов, густые провололочные заграждения, блиндажные пулеметные гнезда. Но Котовский уже с этой минуты приобрел некоторый опыт окопной войны. Правда, у него не было ни ручных гранат, ни мин, ни орудий развеса, проволочек, но зато он выработал свою собственную систему: при применении уранного пулеметного огня смельчачи-кавалеристы незаметно подползали к самой проволочке и, неожиданно вскопав

на него, выдергивали руками колючие из земли. Конечно, это был очень кустарный способ, но никаких других способов в распоряжении Котовского не было. Котомало часть колючей была повалена, в прорыв немедленно врываются конница. Потери, конечно, были огромные, и Котовскому пришлось порядочно повредиться с поляками под Белой Церковью. Но в конце концов город был взят.

В районе села Олшанки полякам удалось окружить бригаду. Котовский со своей бригадой сдался полякам, и генерал Гахлер приказал во что бы то ни стало истребить опасных смельчаков.

Стогла страшная зима. Первый полк двинулся в обходную операцию, и то время как второй полк, при котором находился Котовский, отходил в село. Да эскадрон купали кони в реке. Села, ослепда красновоседей и оружие были сжаты в куту на берегу.

В этот момент подкрались с тыла польские цепи открыли по селу снайперский ружейный огонь. Застиснули нут. Котовский с двумя десятками эскадронных вылетел из села и ударила полякам в лоб. Кривоножко же, посланной голых и мокрых людей на несоединенных коней, погнался в сторону стремительной работы.

Фланги. Расчет Кривоножко оказался правильным. Вид голых всадников, несущихся на них с нечеловеческим криком, произвел на поляков ошеломляющее впечатление. Около тысячных летчиков побросало оружие и полнаю ружья вверх. Однако вскоре поляки собрались, что численностью они в несколько раз превосходили противника. Кое-то из них выскочил за линией. Но как раз в этот момент подошла первая полк во главе с командиром Ната. В этом бою был истреблен целый польский батальон, а другой захвачен в плен.

После даалося дорогой ценой. В бою был смертельно ранен командир второго полка Макаренко. Он лежал на земле, стиснув зубы от боли и нереша зыплывания вров. Котовский, бледный, с перекосившим лицом, тряс за плечо врача:

— Неужели кончено, неужели конец?—спрашивал он непереставно.

Врач развода руками: Макаренко был ранен разрывной пулей в живот. Он умер ночью в городе Звенигороде, не доживший операции, которая, впрочем, была бы бесцельна.

Хорошая его в местечке Аглице, вместе с другими бойцами, павшими в этом бою. Взошедший на танк, Котовский произнес: «Горю, что не был с вами. Я знаю, что вы сданы, он не скрывал свое горе. И многие из бойцов тоже плакали навзрыд. Котовский начал свое речь так:

— Братки, мы хороним сегодня лучших наших людей, но пусть это не смутит наши сердца. Мы привязаны историей для того, чтобы утвердить жизнь... на земном рае.

Гут он вскакинул на танк, с танка, махнул рукой, чтобы дали залп. От волнения он не мог продолжать...

Воропаков и Буденный в главе Конной армии проявлял фронт польских войск и впялил в свои знаменитый рефр на Варшаву—Берлин. На нем протяжении советско-польского фронта произошел перелом. Даже самые усталые бойцы воспрянули духом. Поляки аргумент и побесали.

Весной и июль прошил для бригадами Котовского в непрерывных боях. Мелькали села, местечки, города. Под боями и командирами появлялись польские солдаты, бегущие бойцами. Пленные, захваченные бригадой, исчислялись уже тысячами. Польские солдаты охотно сдавались Котовскому в плен: в польской армии быстро распро-

страшина слух о том, как человек обращается к котловым с ласками...». Часто рискуя жизнью в бою, Котковский каждый день находил время продвигать свою неприменную гимнастику и вместе с тем усердно читал газеты и брошюры. Кругловор его ширялся с поразительной быстротой.

На фронте, в утаре сдвинутых боев, бойцы и командиры чувствовали себя как бы оторванными от тыла: по одним газетам трудно было представить себе, что делается в Питере, в Москве. Но однажды Котковский остро ощутил дыхание революционного тыла: делегация питерских рабочих и работниц привезла на фронт подарки.

Папетыки с папирасами, печеные и конфетные были заботливо перевязаны цветными ленточками. Котковский не курил, но из того раз он выкуривал все доставившие на его долю папирасы: внимание рабочих глубоко уважительным. С делегатом, старым интересным инструментарием, Котковский беседовал несколько часов подряд.

Тяжелые дни. Они были однообразны по непрерывному ощущению опасности, по тому привычному, перенормированному состоянию, с которым армия воспринимает трудности непрерывных переходов и боев.

Произошло несколько крупных событий. Потерял две пушки, на другой день отбыл из полков командир полка. Был эвакуирован в тыл с тяжелыми ранениями неистовый командир Нага, похоронили много бесстрашных бесстрашных и авантюристов партизан. Бригада несла большие потери, но Котковский оставался в Тирасполе верховное бюро, которое непрерывно направляло к нему добровольцев. А коней брали в бою у противника.

Слабое сражение произошло у села Горинки. Тактика Котковского заключалась в том, что он со спешными кавалерийским полком срывал пехоту противника с фронта, а другой кавалерийский полк держал на одном из флангов. Как только спешный полк вынуждал полков на деревню или овраг, кавалерийский полк во главе с самим Котковским внезапно кидался на врага и рубил его в конном строю.

Так было и здесь. Котковский приказал первому полку спешиться и наступать на Горинку в лоб, а второй кавалерийский полк оставал на фланге.

Стоял жаркий летний день, было жарко и пыльно. Спешный полк со скату брани, покатому белой грешкой, подошел к противнику шагов на пятьсот. Поляки открыли горячий пулеметный и ружейный огонь. Полк сразу потерял пятнадцать человек убитыми и ранеными. Бойцы задвинулись, наступление приостановилось.

Внезапно перед цепью под ураганим огнем противника появился Котковский. Он скакал прямо на полков. Выхватил пистолет, он обрушился к своей цепи:

— В атаку! Вперед! Ура!

И весь полк, как один, бросился в штыковую атаку. Как раз в эту минуту возле Котковского разорвался граната. Все исчезло в столбе поднятой смятением земли. Когда пыль рассеялась, бойцы увидели, что Котковский лежит на земле в десяти шагах от своего коня. Он был тяжело контужен и бредил.

Разные бойцы взяли деревню снастью. Атака была такой стремительной, что поляки мгновенно обратились в бегство, бросая обозы, пулеметы и раненых.

Котковский ушел в тыл. Контузия была очень тяжелой. Около десяти дней он не приходил в сознание и непрерывно бредил боями и атаками. Вернувшись Котковскому в бригаду удалось лишь через три недели.

Его боевой конь Оряк был в этом же бою ранен под ним осколком гранаты в голову. Но кавалеристам жалко было пристрелить любимого коня своего командира. Бригадный ветеринарный врач, по настоятельной просьбе бойцов, решился сделать коню риску операцию — трепанацию черепа. Операция удалась. Оряк остался жив. И когда Котковский вернулся к бригаде, верный боевой конь встретил его.

Однажды после жаркого боя бригаду под проливным дождем вывели на плацдарм у деревни Комиссар бригады, полковник, прочел приказ о том, что в Риге советской и польской делегациями подписано соглашение о перемирии. Все боевые действия на фронте должны были прекратиться в 12 часов ночи. Мамы услышав бойцы приказ. Хотя у многих не было в душе радостное чувство, что заканчивается война, наконец, закончена, но было много из сознания, что мир приходится заключать на своей территории. Но тут Котковский появился верхом перед фронтом бригады и сказал:

— Братва, может быть, среди вас есть такие, которые думают, что война окончена и можно уже залезать к бабе на печку? Чепуха! Работы еще много вперед! Повсюду прилетают! Но это — дело будущего. А есть у нас и близкая задача — восвать с поляками можно сегодня еще до 12 часов ночи. Так задвину бой, братва, полкам в последний раз жару, пусть надолго запомнит, что такое Красная армия!

В полявских кухнях уже дымился готовый обед, но никто и не вспоминал о нем. С нестройной яростью обрушились котловы на беломолях. Непритель тоже знал, что через не-

сколько часов должно быть заключено перемирие. Поляки дрались вяло: они не ожидали в этот день никаких серьезных боевых действий со стороны красных.

До самой полуночи, до той последней минуты, когда по всему фронту был дан сигнал к отбою, дрались в эту ночь котловы. Под проливным дождем, под визгом октябрьской гряды путались в намокших шинелях, атаковали они босовалков, отбивались для своей ролины еще одну лишнюю пядь земли. В бою под огнем, полнотри проводили летучие митинги. Они напоминали, что каждая отвошенная деревня, каждый отбитый у противника километр — это свобода сотням трудящихся, которые томятся под игом польских панов...

Когда сыгран отбой, в бригаде трудно было найти парламентеров для установления временных границ. Все бойцы, как один, завернувшись в шинели, спали мертвым сном прямо на земле, между расселенными конями...

Котковский не зря говорил бойцам о предстоящих схватках. Перемирие продолжалось несколько, каких-нибудь десятков дней. Уже 25 октября поляки забавлялись в Риге, что сами-то остаются верными уговорам перемирия, но не отвечают за действия находящиеся на их территории петляровской армии. И в тот же день демаркационную линию перешла всякая армия белых захватчиков.

Раздумывать тут было нечего, следовательно наказывать деревню врагов. Получив от командования директиву немедленного задания, стараясь не потерять ни одной лишней минуты, бригаду Котковского ринулась на нового противника.

Оспаривая Котковского против белолатеро-овских армий являлись, пожалуй, самыми блестящими страницами его боевой биографии.

Давая в день два-три боя и несравненно меньшие потери, Котковский истребал несколько тысяч врагов, захватил громадные трофеи, тысячи пленных и ни разу не потерял поражения, ни разу не отступил.

Первой жертвой полка Тютюнник, уже однажды едва унесший ноги от котлов. У села Синихово его силы были полностью разгромлены и истреблены. Сам Тютюнник спасся чудом. В руки Котковского попал весь штаб с ценнейшей секретной перепиской, личные вещи Тютюнника, его боевой конь, его каласа, его близжайшие приближенные. Не оставались ни на минуту, бригада продолжала наступление. Вружившись в линию противника, она неслась к польской границе, как камень, пущенный на пращи.

У деревни Калачей котловы встречали старых знакомых: в белой цепи мезанкура тур-

Рисунок И. Гринштейна

И весь полк, как один, бросился в штыковую атаку.

Большевистская «Правда»

К. ОМЕЛЬЧЕНКО

ные потоки знаменитого корнянского полка и везшая на потонах дроздовцев. Перед котлованами была отбортан офицерский полк, собравший из остатков белогауляйцев. Он носил название Волчанского полка, самого истинного и боеспособного полка деникинской армии, прославившегося своими зверскими расправами над рабочими и коммунистами. Волчанский полк был истреблен в течение нескольких минут. И снова, не останавливаясь, поспешала бригада дальше.

В деревне Баламутовке Котовского разослали посольцев из штаба дивизии. Предостерегли в крестьянское платье (в тылу у Котовского еще бродили разрозненные белые отряды), он доставил письмо Янну. Командир дивизии писал, что в Проскурове белогвардейское командование сосредоточило мобили кулак, котормо оно предполагает обить 45-ю дивизию с фланга, полагая, тем, что Котовский саликом далеко забрался в тыл. В پاسخ, Котовский, писал командир дивизии, сосредоточено около сем тысяч белых.

У Котовского же было всего четыреста сабел. Но командир знал своих бойцов: окранные усилиями, они были способны на чудеса храбрости.

Круто повернув бригаду к северу, Котовский внезапно изменил удар на Проскуровую. Белые командиры, знавшие, что в Проскурове Котовский, даже от него не могли овладеть такой деревней.

Под покровом ночи бригада подошла вплотную к Проскурову и остановилась у железного дорожного переезда. На станции стоял бронепоезд противника и несколько шпалов, груженных войсками. Гикомов оковал орудия, командир батальона Проспирин вывел отряд из четких нушей огонь по городу. Кривоножко со вторым полком пошел в обход города. Через несколько минут котормым ворвались в город. В городе действовали только белогвардейские отряды. Но налет был настолько неожиданным, что они не оказали сопротивления четырстам бойцам Котовского. Все смешалось в гуд: люди, повозки, орудия, пулеметы. Губина и ушастый отряд, несколько сот белых, Котовский вывел из Проскурова и продолжал свое стремительное движение вперед. Замученные окружение 45-й дивизии сорвались. Знаменитый «ударный кулак», подготовленный генералом Перемичиным и ссаулом Яковлевым, рассыпался. Белые солдаты и офицеры разбежались, как зайцы.

Во время отбоя от Проскурова взорвалось одно орудие. Взорвом было убит командир батальона Проспирин, испытанный боец, давний соратник Котовского.

Со свирепостью от бешенства глазами месся Котовский вперед во главе своей бригады. Горько было у него на душе. Он вспоминал дорогие имена: Христофоров, Махарино, Ник. Улирич, теперь Проспирин.

Плывя в рядах противника достигла невероятных размеров. Спасаясь от четырехсот кавалеристов, несколько тысяч белых бежало и гнали.

Когда же бригада поднялась на последнюю возвышенность перед рекой Сбурч, отдалающей советскую территорию от польской, глазом Котовского представлялась невероятная картина. И ложины, и реки, и на мосту, переброшенном через эту реку, сбилось несколько тысяч обезумевших от ужаса людей. Мост был слишком узок, поспеша же люди. Офицеры разных белых частей дрались между собой и все смешалось в адское хаос.

Врубившись в гущу противника, Кривоножко ворвался на мост. Польский офицер пошел к нему, указывая на флажок с полками государственного герба, определяющего границу. Офицер был бледен, у него прыгали губы и тряслся приподнятый к козырьку зуз.

— Пропле паша, — сказал офиц., — здесь есть польская территория!

Кривоножко покритул ус.

— Ну, польская — так польская, — сказала Кривоножко.

И он двинулся обратно по мосту, вытесняя на нашу территорию поляков...

Вскоре открытое партийное собрание коммунистической бригады приняло решение своего командира. В декабре 1920 года Григорий Иванович Котовский, командир отдельной кавалерийской бригады, дважды краснознавец, боевой полководцем и террорист, был принят в ряды большевистской партии.

В февраль 1912 года в департаменте полиции был истреблен жестко о побеге из ссылки одного крупнейшего революционного деятеля. Царская охранка охотилась за ним свыше десяти лет: широкие связи с массами и большой конспиративный опыт этого революционера делал его почти неуловимым. Но даже в тех случаях, когда его, выданного-либо провокатором, схватывали и, после торжественного заключения, высылали в Сибирь или на северные окраины империи, он неизменно ускользал из лап охранников. Трижды совершал он смелые побег из ссылки и продолжал свою революционную деятельность. Это был четвертый побег.

Из Петербурга во все губернии посылались депеш о поимке бежавшего. Обнаружить его, однако, и на этот раз оказалось не так легко: лишь через два месяца полиции удалось напаст на след. 10 апреля московская охранка телеграфирует в департамент полиции: «С Николаевским поездом № 8 выехали из Москвы в Петербург центровой-эскадри Серго и контрпроверенный Коля».

Резолюционер, обнаруженный в Москве лица благодарно представств, охранка не решилась сразу же арестовать, боясь разоблачить этим своих агентов. Но, сообщая в столицу о выезде двух высланных «центровиков-эскадр», московская охранка предусмотрительно окружила их сетью шпиков и как бы передавала их петербургской полиции с рук на руки. «Примите, — указывалось в той же телеграмме, — наблюдение: филаров Андреаса, Антохова, Пазомова верните. Ликвидация летальна, но допустима исключительно лишь по местным связям без указания источников на Москву».

Но все эти планы жандаловм неосложненно рухнули. На следующий день начальник петербургской охраны коффузую сообщает департаменту полиции о том, что «Коля» с названным поездом не оказался».

Новый, 1912 год, как и предыдущие, не принес ожидавшегося правдивым классам царской России «успокоения». Ни полицейский террор, ни столичные «реформы», при помощи котормых царское правительство намеревалось возродить процесс буржуазного развития страны, не смогли революционные силы народа. Подземный гуд рабочего движения, казалось, совсем заглушенного в годм реакции, теперь звучал все яростнее и определеннее. Большевики-ленинцы поднимали массы на борьбу. В январе большевики, фактически составившие самостоятельную партию уже с 1905 года, проявив в Прате свою конференцию, сыграли незначительную роль в истории большевизма. На этой конференции большевики окончательно отмежевались от меньшевиков и объединили свою организацию по всей стране в отдельную большевистскую партию.

Бежавший из ссылки и достававший столицу «хлестом» полиции революционер был

Иосиф Виссарионович Сталин. На Пражской конференции он, по предложению Ленина, заочно избирался в Центральный комитет: на него возлагалось руководство всей деятельностью партии в России. Коля — это одно из подпольных кличек И. В. Сталина. Его — после Пражской конференции возглавлявшего узкое Бюро ЦК большевиков — и старался теперь схватить полиция.

Но, пока охранники охотились за Сталиным, он, бежав из ссылки, сумел обхвать парторганизации важнейших промышленных центров страны, и сбив с толку преследовавших его шпиков, явиться в столицу.

Приезд Сталина в Петербург совпал с новым мощным приливом рабочего движения. В волне забастовок и демонстраций, вызванных левыми событиями (беспокойный расстрел голландских рабочих в Болобо), товарищ Сталин увидел не просто стилиный взрыв недовольства масс, возмущенных злостным царским опричником: он увидел и новую поаосу в жизни страны.

Принимаям набатом звучали сталинские статьи в большевистской легальной газете «Звезда», котормой он в те дни руководил. Памянные, негодующие слова разнеслись по всей рабочей России и звали массы к борьбе. Левские события пробуждали народные массы, начинавшие новой революционный подем. В волнах его и рождалась массовая рабочая газета большевиков — «Правда».

Проводя беспощадную борьбу с ликвидаторами и укрепляя свои подпольные организации, большевики в то же время максимально использовали легальные возможности. Только таким путем загнанные в подполье партия могла расширить свое влияние в массах и организовать их вокруг своего революционного знамени.

Большевики, разоблачая ликвидаторов, выливали их из легальных пролетарских организаций. Легальная печать большевиков помогала ускорять этот процесс. В движении вовлекались все новые и новые слои рабочих. Их-то и призвана была обслужить ежедневная рабочая газета.

«Звезду», со страниц котормой большевики обращались к своим читателям с предложением об организации новой газеты, тут засыпать письмами, приветствовавшими эту идею. Рабочие, обычно на специальных собраниях обсуждавшие призыв «Звезды», собирали средства на новую газету и переслали их в редакцию.

«Газета», — писала в «Звезду» группа петербургских табачников, — нам необходима, как свет, как воздух, в ней мы будем черпать силы для борьбы за лучшее дело».

Вместо одуряющих их сознание буржуазных

«народных» изданий типа «Копейки» и ликвидаторских газет рабочим хотелось иметь свою, родную газету, говорящую им правду о жизни.

«Мы надеемся, — писали петербургские рабочие, — что рабочая газета своим содержанием не будет походить ни на одну из тех многих газет и газеток, цель которых — барашим ублаживание и отравление сознания и мысли».

Нам желательно, чтобы рабочая газета προσεχала рабочие массы и будила в них сознание своих интересов и задач, чтобы все собития для освещения в рабочей газете тем светом, который близок трудящимся. Мы хорошо знаем, что путь рабочей газеты усеян не розами, но мы убеждены в том, что орган рабочих, став насущной их потребностью, всегда найдет в них отклик и поддержку».

Публиковавшиеся в «Звезде» многочисленные письма рабочих, приветствовавших идею создания новой газеты, — ярчайшие документы эпохи. В них массы выражали свою преданность и доверие партии большевиков. Новая газета, как и вся печать большевиков, была создана на рабочие деньги. Притом их чрезвычайно усаживали в послеслесские дни. Таким образом и был подготовлен материальный и технические предпосылки для создания «Правды».

* * *

Во время своего кратковременного пребывания в столице в апреле товарищ Сталин разработал политическую платформу газеты и составила ее первый номер. Дальнейшая деятельность его в столице была неожиданно прервана. В день выхода № 1 «Правды» — 22 апреля — товарищ Сталин был обнаружен и схвачен охранкой.

Но газета была создана.

В первом номере ее редакция особенно подчеркивала ту мысль, что новое издание будет не изданием «для рабочих», а подлинной proletарской газетой.

«Правда» подвергалась самым разнообразным репрессиям: номера ее часто конфисковались, редакторов беспрерывно штрафовали и арестовывали. В течение первых двух лет своего существования старая «Правда» восемь раз закрывалась и столько же раз меняла свои названия.

«Рабочая правда», «Северная правда», «Правда труда», «За правду», «Пролетарская правда», «Путь правды», «Рабочий», «Трудовая правда» — вот ее псевдонимы. Но какое бы очередное название ни носила она, читатели — среди которых авторитет большинства газет рос с каждым днем — всегда узнавали «Правду».

Уклоняясь от ударов полиции, редакция «Правды» вынуждена была всегда иметь запасных редакторов, так называемых антреляторов, людей, которые, не принимая фактически участия в редакционной деятельности, со сласким были отвечать перед полицией за газету. Арест такого редактора или даже задержание «редактируемой» им газеты, конечно, нарушали ее нормальный выпуск. Однако подставные редакторы спасали фактическую редакцию, и газета продолжала выходить, подписавшаяся новым «редактором» или под новым названием.

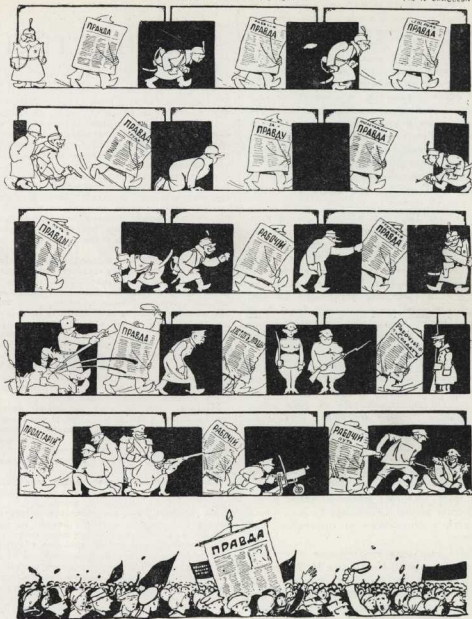
* * *

Вдохновителями и руководителями газет, направлявшими каждый ее шаг, неизменно были В. И. Ленин и И. В. Сталин. Для того,

ЧУДЕСА «ТРАНСФОРМАЦИИ».

(История «Правды» в рисунках)

Рис. К. ЕФИСЕВА

Царское правительство постоянно преследовало «Правду». Она неоднократно захватывалась царской цензурой, но неизменно появлялась вновь. «Рабочая правда», «Рабочий листок», «Листок «Правды», «За правду» — это разные названия ее с одной и той же большевистской «Правды». Мы воспроизводим рисунок К. Ефисева, опубликованный в иллюстрированном приложении к «Правде» в день ее пятидесятилетия.

чтобы лучше руководить редакцией, Ленин переехал из Парижа в Краков, а позже — в находящиеся вблизи русской границы местечко Поронин. Стержнем газеты являлись печатавшиеся в ней статьи Ленина. В своих многочисленных указаниях редакция Ленин определяла линию газеты.

Переписка Ленина с редакцией «Правды» — непревзойденный образец большевистского руководства газетой. Проверяя все хорошие начинания газеты, Ленин вместе с тем остро критиковал те или иные изъятия и ошибки в ее практической деятельности.

«Газета, — учил Ленин справедливо, — должна идти вперед всех... Односторонность и запаздывание несоответствия с газетным делом». Чрезвычайно требовательный к самому себе, Ленин требовал и от товарищей, работавших в большевистской печати, четкой, яс-

ной постановки в ней всех больших и малых вопросов и в первую очередь острой борьбы с ликвидаторами.

* * *

Осенью 1912 года товарищ Сталин в пятый раз бежит из ссылки.

В сентябре он незаметно приезжает в Петербург. Здесь он руководит предвыборной кампанией большевиков в IV думу и становится во главе «Правды».

Ленин сразу же обращает внимание на оживление газеты. «Не могу не выразить вам по поводу перелова № 146 приветствие, — писал он редакции, — редакция сразу взяла правильный, твердый, достойный тон...» Авторотой перелова был товарищ Сталин.

Другой визит. Товарищем Сталиным был

составлен «Наказ петербургским рабочим своему рабочему депутату в Государственную думу». Редакция «Правды» своевременно не напечатала его. Ленин, узнав об этом, сразу же дает редакцию указание: «Неприменно поместите этот наказ петербургскому депутату на видном месте крупным шрифтом... не помещать такой вещи, значит не только создавать почву для сотен конфликтов, в которых «Правда» окажется виновной, но и портить самый образ чисто газетное дело, дело распространения и постановки газеты, как предприятия. Газета ведь не такая вещь, что читатель почитывает — писатель пописывает. Газета должна сама искать, сама во время находить и своевременно помещать известный материал. Газета должна искать и находить нужные ей связи».

В начале 1913 года товарищ Сталин некоторое время не мог практически заниматься «Правдой», так как он с депутатами-большевиками ездил к Ленину, за границу. Это сказалось на работе газеты. По возвращении Сталина в Петербург Ленин поздравляет редакцию «с громадным улучшением во всем ведении газеты, которое видно за последние дни». Однако деятельность товарища Сталина в Петербурге тем самым в «Правде» опять была прервана полостью.

8 марта в здании Казаньинской биржи был устроен большой вечер-поэзия, сбор с которого предназначался в фонд «Правды». Товарищ Сталин должен был на этом вечере встретиться с рядом партийных работников: здесь, на многолюдном собрании, меньше всего можно было ожидать опасности. Однако Сталина выдала присутствующий на вечере депутат Дум Машиновский, оказавшийся, как выяснилось впоследствии, агентом окхраны.

8 июля 1914 года старая «Правда», носившая тогда название «Трудовой Правды», была закрыта, а большинство ее сотрудников арестовано.

После свержения самодержавия вернувшийся из эмиграции В.И. Ленин и И.В. Сталин, возвратившись из далекой туркестанской ссылки, куда его после шестого ареста загнал царское правительство, снова возглавляют «Правду», в это время уже являвшуюся центральным органом партии.

Роль «Правды» в истории партии исключительно велика. Старая «Правда», указывает товарищ Сталин, «была не просто газетой, подвешенной от успехов большевиков в деле завоевания легальных рабочих организаций, — она была вместе с тем организующим центром, сплачивающим эти организации вокруг подпольных органов партии и направляющим рабочее движение к одной определенной цели». Ленинско-сталинская «Правда» «сыграла виднейшую роль в борьбе за сплочение сил большевизма и рабочего класса, за победу диктатуры пролетариата и торжество социализма».

Ленин и Сталин — руководители ЦО, его вдохновители, а в наиболее ответственные периоды и практические редакторы. Руководители «Правды» являлись и являют собой образец бошевской партийности.

Сила «Правды» в том же, в чем сила партии, органом которой она является, — в связи с массами.

Ленинско-сталинская «Правда», организуя вокруг большевистского знамени миллионы строителей социализма, воспитывает в массах верность партии и ее революционным традициям, она учит овладевать большевизмом.

Б. ИЗАКОВ

Единственная В мире

В Англии, в курортном городе Брайтоне, происходило открытие с/езда английской консервативной партии. Огромный зал городской ратуши был переполнен делегатами, собиравшимися по случаю с/езда в парадную одежду: фрак и белоснежные манишки мужчин чередовались с парижскими туалетами и бриллиантыми женщин. Десятки знатных особ Британской империи, представлявшие старинные аристократические фамилии, почтили своим присутствием с/езд, на котором должны были обсуждаться весьма важные вопросы внутренней и внешней политики Англии. Эти вопросы касались, в частности, англо-советских отношений.

Перед estradou, на которой были отведены места для президиума с/езда, представляли динный стол для представителей английской и иностранной печати. За столом устроилось несколько десятков корреспондентов: наряду с англичанами здесь были канадцы и австралийцы, немцы и французы, японцы и америнанцы. Корреспондент лейбористской (меньшевистской) «Дейан геральд» мирно сидел рядом с одним из редакторов консервативной «Морнинг пост», а известный журналист из лейборной «Манчестер гардиан» весело беседовал в ожидании открытия с/езда со своим коллегой из твердолобой «Дейан мейл».

Нездалеко от открытия этого стола печати появились еще один журналист; к нему подошла глава прессбюро консервативной партии и, вежливо осведомившись о его здоровье, спросила, какую газету он представляет.

«Московскую газету «Правда», — гласила ответ.

Чиновник консервативной партии моментально потеряла свою благопринятость. Он засуетился, побег к туалету и вернулся с беззвучно грубо сообщая, что корреспондент «Правды» должен немедленно убраться и больше не возвращаться. Сропешенный о причинах столь несправедливой историче, он доловился, что объяснил, что за столом представителей печати не осталось свободных мест: поставленные там стулья были якобы заняты заранее журналистами, прибытия которых следует ожидать с минуты на минуту.

— Если только за этим дело стало, — невозмутимо ответил корреспондент «Правды», — то я согласен устроиться и на местах для делегатов. — И он пересел на свободное кресло в первом ряду мест, отведенных для делегатов с/езда.

Тем временем инцидент стал привлекать внимание и зал. Делегатами во главе в первом ряду кресла, рядом с которыми устроился корреспондент «Правды», принялся громко выразить свое негодование по этому поводу. Тотчас же в прессбюро, убавившись в упорном нежелании советского корреспондента покинуть зал и боясь нарастающего «скандала» (англичане из так называемого «общества» очень не любят «скандаль»), один из организаторов, потребовав, чтобы нежеланный гость вышел за стол печати. Там представителю «Правды» было, наконец, указано свободное место, которое так-таки оказалось нижен не занято.

Вобщем место сразу обнаружилось больше чем достаточно, ибо вокруг советского журналиста образовалась пустота. Остальные газетники с/езда чувствовали и лишь на третий день с/езда привыкли настолько, что стали потихоньку обмениваться с ним кулачковыми салютами. Делали они это с огулами, чтобы, чего доброго, не из пойма на месте преступления расширенного главы прессбюро.

В отместку корреспонденту «Правды» чиновники из консервативной прессбюро обружали его в издевках. Несколько консервативных газет поместило специальные заметки о советском госте на конгрессе консерваторов, в которых наградили его всеческими неслестками, на их взгляд, эпитетами. «Морнинг пост» за-

главлял свою заметку: «Комиссар Москвы на конгрессе консерваторов». Впрочем, советскому журналисту подобные эпитеты казались отнюдь не обидными.

Мы рассказали об этом случае потому, что он до некоторой степени иллюстрирует особое, единственное место, занимаемое «Правдой» в международной печати. На брайтонском с/езде английской консервативной партии представители газет всего мира, принадежавших к разнообразным политическим течениям. Но стоило показаться корреспонденции «Правды», как возникла буря в стакане воды.

«Правду» знают во всем мире: в Англии и в Испании, в Китае и в Индии, в Бразилии и в Мексике. Буржуазные боссы немаловажно говорят о «Правде» в рабочих кварталах Лондона и Парижа, в доках Нью-Йорка и Роттердама, в окопах Мадрида и в антифашистском подполье Берлина. Однако в одном из портовых городов далекой Панамы (Центральная Америка) местный телеграфный служащий по доброй пересказал автору этой статьи основные этапы развития «Правды», которые, об этом служащем, узнала случайно и надолго сохранила в памяти.

История буржуазной печати знает немало гнуснейших афер, немало скандальных процессов. Буржуазные газеты считают своим долгом эксплуататорских классов; каждая из них очень тесно связана с той или иной группой капиталистов. Так например издатель лондонской «Дейан экспресс» доктор Бинерберг является владельцем крупнейших асфальтовых предприятий в Канаде; поэтому не удивительно, что на страницах «Дейан экспресс» никогда не угасает ситуация против до войны бывшей торговле и, в частности, против советского лесного экспорта.

«Король» буржуазной печати замешан в отвратительнейших преступлениях против человечества. Известно, что крупнейший издатель Соединенных штатов Америки, Херст, близкий друг и покровитель властей фашистской Германии, построил свое могущество на кровавых преступлениях. Однако Херст спешно командировал крупного американского художника в одну страну, международное положение которой было в то время очень напряженным: художник получил специальное задание — сделать военные зарисовки для печати Херста. Прибыл на место, художник обнаружил, что хотя положение и было в достаточной степени тревожным, но до войны было спокойнее. Он сообщил об этом Херсту и вскоре получил от него телеграфный ответ:

— Вы забываете о рисунках, а о войне я позабужусь как! — такой был смысл интимной телеграммы художника. Действительно, вскоре разразилась война.

Когда американский писатель Энтон Синклер написал книгу о явках буржуазной печати, он озаглавил ее «Правда и ложь». В американских домах терпимости проливаются в касках медные жетоны; такой жетон дает право на обладание проституцией. Писатель избрал название этого металистического строю, основанного на эксплуатации своего труда о печати потому, что буржуазная печать олицетворяет продажность. Буржуазная печать — точный слепок капиталистического строя, основанного на эксплуатации, насилии и обмане.

Впротивен же «Правда» и возглавляет последнюю пролетарская печать — светом великой правды рабочего класса. Достаточно указать на бошевистскую борьбу «Правды» за укрепление успехов социалистического строительства в СССР, против заклятых врагов советского народа — троцкистов, против фашистских варваров и поджигателей мировой войны.

Далеко за полночь горят окна в элитном здании. Здесь рождается центральный орган партии. Рано утром грузовики развезут на все вокзалы и аэродромы Москвы миллионы экземпляров «Правды»... На снимке: комбинат «Правда» ночью.

Фото И. Гущина.

К голосу «Правды» прислушиваются весь мир. Ее авторитет как органа Центрального комитета могучей Вессоюзной коммунистической партии (большевиков) столь велик, что даже буржуазные газеты вынуждены передавать свои читателям мнение «Правды» по основным вопросам социалистического строительства в СССР и международному положению. Столбы европейских, американских, азиатских газет и журналов истрят заметками, начинающимися со слов:

«Московская «Правда» пишет...»
«Орган коммунистической партии «Правда» заявляет...»

Газета «Правда» (Москва) считает...»
Отдельные статьи «Правды», особенно ее редакционные статьи по коренным вопросам международного положения, целиком воспроизводятся зарубежной печатью всех направлений, хотя подчас дело не обходится без грубых подделок и фальшивок.

Есть яркий пример, исключающий международную роль «Правды».

Во Францию прибыл югославский король Александр. Его приезд был тщательно подготовлен французским министром иностранных дел Барту, являвшимся посматываемым сторонником защиты коллективной безопасности и мира от прожектов поджигателей войны. Барту рассчитывал завершить в переговорах с Александром коллективную безопасность в Юго-восточной Европе. Естественно, что германские фашисты крайне кося смотрели на предстоявшие франко-югославские переговоры.

В самый день своего прибытия во французский порт Марсель югославский король и встречавший его французский министр иностранных дел были убиты рукой террориста. Переговоры об укреплении коллективной безопасности были нанесены серьезный удар. Германская фашистская печать не скрывала своей радости по этому поводу и громко выкрикивала удовольствие тем, что «политика Барту подверглась расстрелу».

Однако в первые дни личность убийцы была неясна, а, следовательно, оставалась в тени и мотивы убийства. Воспользовавшись этим,

продолжив буржуазные газеты спешными обличать убийцу «агентом Коминтерна». Эта гнусная клевета была придумана в Берлине, но ее услужливо подхватили наиболее реакционная часть печати во Франции, в Англии, в Союзных штатах Америки и в других странах.

«Правда» немедленно выступила с разоблачением фашистской клеветы, разъяснив, что индивидуальный террор глупо выдвигают пролетарские революционеры.

Вскоре следствие обнаружило, что убийца принадлежал к хорватской организации «Усташа», враждебной Коминтерну. Как известно, хорваты являются национальным меньшинством в Югославии. Заметая следы, германская фашистская печать пустила тогда версию о том, что убийца действовал из национальных побуждений, мести Александру за нарушение прав своих хорватских соплеменников. В этом свете марсельское убийство выглядело внутренним югославским делом.

Эта берлинская версия была вновь услужливо подхвачена известной частью международной печати.

В ответ «Правда» документально доказала, что марсельский террористический акт отнюдь не был индивидуальным действием убийцы. «Правда» сослалась на статьи, опубликованные в печатном журнале организации «Усташа», в которых прославлялись методы индивидуального террора. В некоторых из этих статей недвусмысленно намечалась на подготовку крупного террористического акта. Таким образом было точно установлено, что «Усташа» — террористическая организация и что марсельское убийство было делом всей этой организации, а не отдельного ее члена.

Но разоблачение «Правды» этим не ограничилось: газета вынуждала фотографии обложки журнала организации «Усташа», на которой было обозначено место издания журнала. Этим местом оказалась... Берлин! Между тем известно, что в фашистской Германии синхронизированная цензура и что ни одно печатное издание не выходит там помимо воли

фашистских цензоров. Что касается изданий, имеющих отношения к иностранным партиям и группировкам, то они находятся под особым наблюдением так называемого заграничного отдела германской фашистской партии. Во главе этого отдела стоит небезызвестный Альфред Розенберг, один из ближайших помощников фашистского гаваря Гитлера.

Прямая связь убийцы Александра и Барту с германскими фашистами была неопровержимо доказана. Разоблачение «Правды» получило широкую огласку в зарубежных, в частности во французских, газетах. Пойманные с поличным, гитлеровские террористы сперва пытались отбрасывать, а затем, увидев себя крутом изобличенными, набрали воли в рот...

Международное общественное мнение занял-мало полдюжины организаторов марсельского террористического акта.

«Правда» является родоначальницей ежедневных большевистских газет во всем мире. Сейчас таких газет уже немало. Некоторые из них добились отличных успехов в своей работе. Так, газета французских коммунистов «Юманите» сыграла большую роль в сплочении народного фронта во Франции; своими боевыми выступлениями по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики Франции она завоевала доверие и любовь французских трудящихся. Центральный орган испанской коммунистической «Унидо обхоро» успешно организует сейчас силы испанского народа, отстаивающего на полях сражений независимость своей страны от германо-итальянских интервентов и банд генерала Франко.

Зарубежная коммунистическая печать имеет миллионы читателей, десятки тысяч рабочих-корреспондентов. Она воспитала многих прекрасных большевиков-газетчиков. Работники международной коммунистической печати руководствуются в своей деятельности указаниями В. И. Ленина, статьями товарища Сталина о задачах большевистской печати. Они «Правда» служат ни постоянным примером.

А. ХВАТ

Записки журналиста

Наше печатаются отрывки из дневника А. Хвата, одного из лучших советских репортеров.

А. Хват работает в «Правде». Он был свидетелем многих замечательных дел, которыми так обильна жизнь нашей родины. Как корреспондент «Правды», он летел навстречу террическому самолету Чекалова по территории далекого острова Уай (теперь остров Чеклов) передавал в Москву волнующие подробности этого исторического перелета. По заданию «Правды», Хват побывал и в Японии. Хват террилично и жадно записывал в свой репортерский блокнот речь товарища Сталина на торжественном заседании, посвященном пуску московского метрополитена. В своем дневнике он рассказывает об увлекательной, полной большого содержания работе советского журналиста.

3 ФЕВРАЛЯ 1934 ГОДА

Вчера страна поздравляла отважных героев стратостратов. Товарищи Сталин, Молотов и Ворошилов несли урны с прахом погибших к древней Кремлевской стене. На вежестанции и памяти людей имена славных товарищей: Павла Федосенко, Андрея Васенко, Иосифа Умеккина. Они подыали советское звание на высоту 22 километра. Ни один человек не пердал пролунуть на такие высоты...

Наша дружба с Павлом Федосенко завязалась несколько месяцев назад. Мы познакомились на аэродроме. Он проводил меня в ком-

А. Хват на борту двухмоторного самолета «КАИ-3» во время большого перелета лекомоторных самолетов по СССР (1935 год).

нату, где было сложено оборудование стратостата «Осавахики».

Мы уехали на одном из ящиков. Фелосесно с ямаром излагаю свои планы. Тут я впервые услышал это новое слово: — «стратоната». «Аэроавт» — значит, плавующий в воздухе, стратонат — в стратосфере, — объяснил пилот.

Он не сомневался в успехе, этот смелый, открытый и простой человек.

«Мы выжили благоприятных условий, вальтим и поднимемся выше всех в мире», — говорил он, и эта пламенная уверенность передавалась его собеседникам.

Мы не раз встречались до этого памятного дня — 30 января, — и живительности не подала Фелосесно.

Накануне мы беседовали по телефону.

«Приезжай с вечера, переночуешь на аэродроме, а утром проводишь нас в полет», — сказала он.

Я поспешил на место.

«Утром стартуем! — радостно встретил меня пилот. — После полудня жди радиограммы на стратосфере, — улыбаясь поощрала он. — А сейчас спать».

С рассветом я постучался в комнату, где отапливал экипаж. Пилоты уже встали. Помогая Фелосесно надеть темный комбинезон, я с волнением всматривался в его лицо.

«Все будет хорошо», — сказала он мне. — Вечером встретимся где-нибудь под Москвой, и я все расскажу о полете. Обеспечим «Правду» полной информацией».

Васению и Усански спрятались в кабине. Командир стратостата по пояс вынулся из люка. Через минуту «Осавахики» ушла в полет.

И тогда над снежным полем разнесся голос Фелосесно:

«Да здравствует XVII с'езд партии! Да здравствует мировая революция!»

Ответное «ура» он, наверное, еще слышал. А через две минуты стратостат исчез в облаках...

После полудня началась автомобильная гонка в Коломну, где ожидали приземления стратостата. Около сотни автомобилей, стараясь обогнать один другого, мчались туда. Корреспонденты галст икарды оставляли свои машины там, где имелся телефон, и переговаривались с Москвой. Узнав, что новых сведений о стратостате нет, мы пересидели здесь. Потом в редакции томительные часы ждали появления дальний вывоз в Москву, и здесь страшно известные о гибели всех троих.

13 МАЯ 1934 ГОДА

Скоро месяц, как мы безнадёжно дрейфим во льдах Берингова моря у этого проклятого несобитаемого острова. Называли его пишете по-разному: «Матвей» или «Матфее». Морские нашего «Сталинград» (фамильярно называют его «Мотей», Дрянной островок! Особенно докучало на него, когда вестер гонит лоды вместе с нашим судном прямо на скалы...

Мне уже надоело посматривать в редакцию радиотеле: «Продолжаем стоять на месте». И то в дни, когда вся страна оживает, что «Сталинград» побойдет и Губы проделали и снимет с чужотского берега чужеземцев!

Вынужденное бездействие заставляет проводить многие часы в радиорубке. Там чувствуется жизнь материя: Сайгон посылает в эфир сладкие звуки мугамов. Сан-Франциско быстродействующим аппаратом шлет по радио биржевые курсы. Ном на Аляске сообщает, что «командир Сайлин» (Селесин) посетил мэра города. Хабаровск — такой далекий и в то же время близкий — передает новости о жизни нашей страны.

Старший радист Васа Литвинюв озвучивает. Он уже четвертые сутки пытается связаться с аэлодомом «Яркан». Неисполнимо раз, а дин Васа передает позывные сигнала аэлодомом.

Сегодня мне разбухла стук в дверь каюты.

— Что такое?

— Вставай, скорее! Он есть!

— Кто он?

— «Яркан»!

Через минуту мы уже были в радиорубке. Литвинюв бросился к аппарату и стал вызывать ярканского радиста.

— Там, на ватке, Любе. Мы уже познакомились. Кого тебе вызвать? — спросила Васа.

30 июля 1936 года на острове Чкалов (бывш. Уа), где совершил посадку самолет «АНТ-25». Занимался отдыхом. На снимке (слева направо): Герой Советского союза Г. Байдуков, собираясь на охоту, надвигает патронташ; Герой Советского союза В. Чкалов читает газету, доставленную издалека; Николай на Амуре; специальный корреспондент «Правды» А. Хейт беседует с фотореперсантами «Правды» В. Теминим. Снимок сделан Героем Советского союза А. Беляковым.

— Специального корреспондента «Правды» Бориса Изакова.

Баса энергично застучал ключом, потом надел наушники.

— Там, так... Пошла искать... Сейчас будет...

И садила за бегом караважом Литвинюва. Изаков приветствовал нас. Он передавал: «Надвигай встретимся. «Сталинград» будет первым судном под советским флагом, которое мы увидим со времени выхода из Финского залива и прощания с аэлодом «Ярма». Вы стоите на месте нам продвигаетесь к Чукотке».

— Пока стоим по аляску, — ответила я стародотой, надоевшей нам фразой.

Мы беседовали долго. А через два часа Литвинюв уже выстукивал Хабаровск радиотелеграмму в Москву, «Правде», сообщавшую во всех подробностях об этом райноре се двух корреспондентов, разделенных многими сотнями миль Тихого океана.

15 МАЯ 1935 ГОДА

Две тысячи участников торжественного заседания посвященного пуску метрополитена имени А. М. Катановича, бурной овацией приветствовали товарища Сталина, стоявшего на трибуне в Колонном зале Дома союзов.

Корреспонденты московских газет, посланные сюда, чтобы дать отчет о заседании, забыли о своих обязанностях. Вместе со всеми мы торжественно аплодировали товарищу Сталину и восторженно кричали «ура».

— Товарищи! Подождите аэлодом рукопожатия, — шуточно сказала Сталин. — Вы же не знаете, что я скажу».

Мой друг, корреспондент «Правды» А. Бронтман, стоявший рядом, напомнил: «Записанный все до единого слова. Стенографисток, кажется, нет. Потом сверим тексты друг у друга».

Я впервые слышала выступление товарища Сталина на большом собрании, и мне страшная ответственность за правдивость изложения речи. Как я жалею, что не владею стенографией!

Но записывать было нелегко. Товарищу Сталин говорил просто и понятно, медленно и ясно. Каждая его фраза была закончена. Каждое выражение доходило до участников собрания.

И записывала в блокнот слова Сталина. «Сегодня же надо провести поправку к тому, что объявлено благодарностью всем работникам Метростроя».

Он говорил медленно. Когда стихла овация, мы бросились в «Правду». Здесь мы с товарищем Бронтманом прочитали друг другу свои записки, восстанавливая отслабые небольшие про-

пуски, которые имелись и у него и у меня, а потом составили общий отчет.

Это было вчера. Сегодня наш отчет напечатан в «Правде». Мы бесконечно рады, что на нашу долю выпала такая честь...

10 АВГУСТА 1936 ГОДА

«До Москвы осталось 3 часа. Я не был участником беспрерывного перелета Героев Советского союза В. Чкалова, Г. Байдукова и А. Белякова по сталинскому маршруту, но вместе с ними возвращаюсь с Дальнего Востока в сердце страны.

...За ступенька садится Валерий Чкалов. Он взлетает из люка с аэродромом в Чкалове, он же хочет и посадит там сегодня mattina. Беляков дописывает последние странички в журнал и радиожурнал. Самолет поднимается с земли со скоростью. Оттуда передают, что «АНТ-25» ожидается к 17 часам. «У станции Черусти вас встретят в воздухе», — сообщает Москва.

14 часов 53 минуты. Прошел Муром. Чкалов запрашивает разрешение до посадки в Чкалове пролететь над Москвой.

15 часов 05 минут. Байдуков принимает радиотелеграмму: «Разрешено пролететь над Москвой по вашему усмотрению. Затем пролететь над Чкаловским шоссе, чтобы к 17 часам быть в Чкалове. М. Катанович».

Передает эту радиотелеграмму Чкалову.

— Кто же будет на аэродроме? — говорит командир. — А врут товарищ Сталин».

15 часов 35 минут. Остается 185 километров. Поднимаем к станице Черусти.

— Вот он! — поаывает вперед Чкалов, и мы видим вскарляю самолетов, встречающих «АНТ-25». Они разворачиваются и сопровождают машину победителя. Беляков передает по радио привет читателям «Правды» от экипажа «АНТ-25».

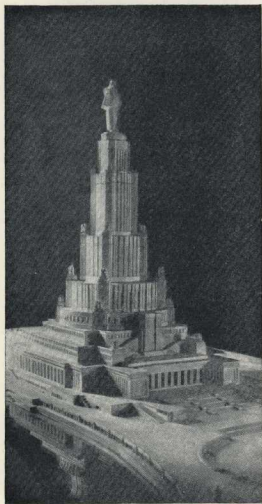
16 часов 05 минут. Визаж проносится подмосковные города и поселки: Павловский Посад, Истринский — родина Белякова. Вот шоссе Зинтузовых.

— Дома! — радостно кричит Байдуков.

16 часов 25 минут. Встрел Чкалова устремлен вперед. Губы сжаты. На лице заметно не обычное волнение. Командир ведет «АНТ-25» над столицей. Он пересекает город на высоте 500 метров до Ленинградского шоссе, идет над центром Москвы, в Косой лаванды и Кремлю, описывает полукруг и несется над Чкаловским шоссе. В том же направлении по земле мчатся десятки автомобилей.

16 часов 45 минут. Большой круг над аэродромом. Мы видим множество людей, шествия автомобилей. Чкалов ведет самолет на посадку...

Большая МОСКВА

Мы не заметили, когда поезд вынырнул из тонисей на поверхность земли... Внезапно засверкали за окнами яркие огни, и мы увидели блики башни вокзала. Их контуры были окантованы красными лампочками.

Поезд бежал по мосту над рекой. На парапетах моста освещенные матовыми шарами фонарей стояли огромные, искусно отлитые из чугуна вазы.

— Чудесно! — говорили в вагоне. Пассажиры толпились у окон.

Огни отодвинулись. Поезд, дойдя до противоположного берега, снова ушел под землю.

Через несколько минут мы вышли на перрон. Дивная подземная зала была полна народом. Хрустальные люстры мягко струили свет на радостно оживленных людей, на стройные, отдаленные драгоценным ониксом колонны с фарфоровыми капителями.

Ослабленные этим блеском, мы поднимались по лестнице в вестибюль, разгадывая мозаику мраморных стен.

На всем был виден отпечаток народного богатства. Позолоченные перила были уравнены символами пролетарского государства. В тонкой отделке капителей переплелись фарфоровые завитки и плоды. Хрусталь был отшлифован по рисункам замечательных художников. Беседу мрамор и гранит: черной лабрадор, яркочерная шпрова, нежноголубой уфаль, — даже буфеты сделаны из мрамора...

Иной искушенный читатель давно догадался, что читает описание фантастической поездки по Москве будущего. Значит, мол, старый прием очеркистов — выдавать будущее за настоящее! Дорогой читатель, на этот раз вы ошиблись. Здесь описано настоящее. Обширнейшая поездка в обкомованном поезде московского метрополитена со станции «Смоленская» (постройка первой очереди) до станции «Киевская» (постройка второй очереди). Но это настоящее таково, что действительно ангелают, как будущее!

Только полгода назад, в праздник Октября, прогуливаясь по иллюминированным улицам столицы, мы любовались через витрины проспектами, воплощенными сегодня в мрамор и гранит. Только в сентябре 1936 года на левом берегу Москвы-реки вынул первый кубометр земли и приступил к стройке метрополитана.

Прошлое, настоящее и будущее стоят почти рядом.

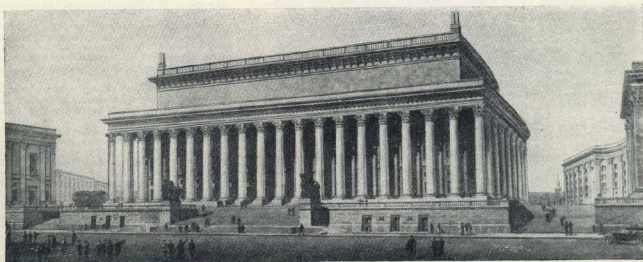
Недавно нам довелось увидеть всю Москву в этих трех временных намерениях.

Москва была сделана из шпала, слона и фанеры. Отдаленные части города с его площадями, домами, мостами стояли в тишине, нарушаемой лишь скрипом ботинок по паркетному полу.

Когда монтер Всесоюзной строительной выставки вложил рубленин, в зале раздалось мерное гудение, и мы увидели, как части города

На площади Свердловской
растет Большой киотеатр
киноагора (архитекторы

поползали друг к другу. Кварталы подвезали к кварталам, смыкались улицы, соединялись отрезки реки, линии дорог и каналов. Наконец, гудение прекратилось. Поднявшись на возвышение, мы увидели гигантский макет столицы.

На старейшем павле города были нанесены красные линии нового строительства. Широкие лучи проектируемых магистралей врослись в деревянную мелкоту переулков и тупиков. Кавалы спрямляла прихотливо изогнувшаяся река. Просторные площади, кварталы, трапециевидные, круглые — раздвигали сбиравшиеся в кучи дома. Из лесных массивов, окружающих каменные кварталы, вытаскивались зеленые клочки, островами скользящие к центру.

Взматриваясь, можно было разгадать кубики новых домов, овалы стадионов, стрелки фонтанов, дугие дуги мостов (зон и метромостов). И в улье новых магистралей белой пирамидкой поднимался Дворец советов, и Ленин на его вершине протягивал руку к Кремлю.

Монтер нажал кнопку. Извистая желтая молния пробежала по макету и застыла.

— Москва занимает площадь в 28,5 тысячи

Улица Горького в Москве будущего. Грандиозное здание занимает весь квартал от проспекта Художественного театра до Советской площади (проект проф. Я. В. Щусева).

напротив Большого театра оперы и балета, от
СССР. Из спящих: эскиз на проспекте Большого
А. И. Великанов, И. В. Ткаченко, Ю. В. Щуко).

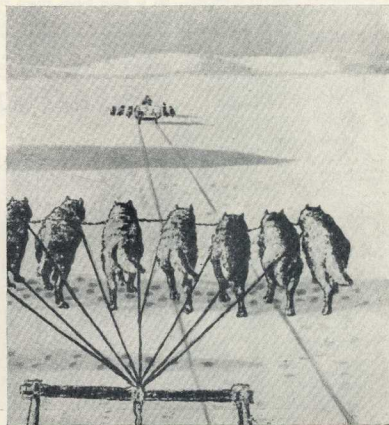
Души лучами расходятся от Дворца советов краснейшая магистраль столицы. Прос-
пект Дворца советов будет центральной артерией Большой Москвы. Среди зелени и
фонтанов высятся гостиницы, музеи, институты...

Карта арктических путешествий. На ней показаны маршруты замечательных экспедиций к Северному полюсу.

Роберт Пири.

Одна из собачьих упряжек Р. Пири на пути к Северному полюсу.

К П О С В.

Двадцать восемь лет назад весь мир облетела весть о том, что американский полярный исследователь Роберт Пири достиг Северного полюса. Пири направился к полюсу от мыса Колумбия, до северного берега так называемой Земли Пири, установив здесь на возвышенности средь льдов американский флаг и поспея в обратный путь. Подлинная проверка вычислений и наблюдений Пири показала, однако, что на самом полюсе, что есть на той точке земной поверхности, где сходятся все меридианы, Пири не был.

Северный полюс начал притягивать к себе отважных и решительных людей лишь в последней четверти прошлого века. До этого времени у мореплавателей всех наций были, с их точки зрения, более интересные и стоящие большие изгоды цели: поиски северосточного или северозападного морских путей из Атлантического океана в Тихий. Начались эти поиски уже давно — еще в середине XVI столетия, когда в Европе после открытия Колумба и Васко да Гама пробудился самый живой интерес к новым географическим исследованиям, в первую очередь к поискам кратчайшего и безопасного пути к несметным богатствам Индии.

И эти поиски, предпринятые путешественниками южных государств, расположенных по берегам Индийского, Китайского, Японского океанов, ведутся на севере, среди льдов и густых полярных туманов, под угрозой и холодами небом. Облетается это, что еще в 1493 году весь известный тогда мир был разделен на сферы влияния Испании и Португалии: испанские корабли могли плавать только на запад от условной пограничной линии, проведенной к западу от Азорских островов, а португальские — только на восток от нее. Римский папа, инициатор этого раздела, предполагал устранить всякое соперничество между двумя скланскими морскими державами того времени: если корабли попадут в разные стороны, то они, конечно, никогда не встретятся. Но они встретятся, и римскому папе, не желавшему согласиться с тем, что земля круглая, не удалось предотвратить вооруженного столкновения соперников.

Более слабые морские державы той эпохи: Англия, Голландия, Франция — были оторваны в бешеной гонимости за богатствами Нового света, устремившись от участия в разделе добычи. Но уступив без сопротивления Англии, Голландия не хотела, и вот вскоре начались поиски северных морских путей, более коротких и, как тогда казалось, более безопасных: географ XVI века доказывали, что около Северного полюса льды нет, климат там теплый, и корабли, идя от берегов Европы в Китай, в Японию, в Индию через полюс, потеряют на свое плавание всего несколько недель.

Действительность показала, что это не так: прошло свыше 300 лет считая от плавания английских кораблей. Визуально в 1553 году, пока европейские корабли улавливали против северосточному пути (Норденшельд на «Вега» в 1878—1879 годах) и 350 лет — северозападным (Рудаль Амундсен на «Полюс» в 1903—1906 годах).

Наряду с исследовательской деятельностью полярных путешественников развивались морской зверобойный и китобойный промыслы. Массовому кит и тюлень становились важными посетителями вод Северного Европы. А быстро развивавшаяся европейская промышленность требовала все больше и больше продуктов морских промыслов. Поэтому пришлось искать новых объектов охоты. Киты и тюлени ушли от промышленников, промышленники пошли за ними — к берегам Шпицбергена, Гренландии. Области постепенно переделались на север и северозапад или северозападных.

Для собственной выгоды ради больших безостановочных плаваний в ледяных и штормовых арктических водах инженера промышленного судостроения устремились состояние льдов, направление и силу полярных морских течений, состояние воздуха и воды, забавляя барометры. И так, вследа за моряками-зверобойцами, в полярные области проникло научное исследование.

В 1806 году — это тридцать один год назад — английский китобойный корабль во время одного из своих многочисленных плаваний у берегов Шпицбергена дошел до 81°30' северной широты. До Северного полюса оставалось только восемь с половиной градусов, или 510 миль, то есть всего 945 километров. Но олоэль эти 945 километров ни Скорбей, ни его товарищи не смогли.

Действительное состояние так и впадало в вечность, не разрешив проблемы открытия Северного полюса, но проделав огромную подготовительную работу. Уже в последние годы этого века исследователи начали все ближе и ближе подходить к полюсу. Между 1887 и 1898 годами неутонченным Пири удалось пройти до 85°51'. Но, не останавливаясь на этом, он продолжал все новые и новые походы.

В 1895 году всматривался полярный исследователь мира, норвежец Фритюф Нансен, оставив затертый плучицами алыми и медленно плывущими с ними на запад «Фрам» и отправляясь в самый поход к полюсу всего лишь с одним спутником. Труднопроходимые льды создают препятствия на каждом шагу. Нансен доходит только до 86°14' к северу от южной Земли Франца-Иосифа, а затем поворачивает к берегам этой земли. Этот небывалый в истории человечества ледяной поход предпринят в общей сложности пятнадцать месяцев и закончился вполне благополучно.

«Фрам», продолжая дрейфовать вместе со льдами, во время своего «случайно-вынужденного» плаванья достиг 13 ноября 1895 года 85°55'5" северной широты. Этот рекорд до сих пор остается непревзойденным ни одним кораблем ни в свободном плаваньи, ни при вынужденном дрейфе со льдами. мировой рекорд свободного плаванья судна в Арктике поставлен в 1935 году советской экспедицией Г. А. Ушакова, достигшей на «Садко» 82°41' северной широты.

В 1900 году итальянец Кани, участник экспедиции герцога Абрюдского, выйдя к полюсу из бухты Гельс, около острова Рудольфа, в Земле Франца-Иосифа, достиг 86°30' северной широты, побив на двадцать миль рекорд Нансена, продолжившийся пять лет. Через два года Пири проникнет на север до 87°14' северной широты, а в 1906 году — до 87°6' северной широты и, наконец, в 1909 году почти достигает полюса.

За год перед тем, 21 апреля 1908 года, до полюса первым уже достигли американцы: же экспедиция Ф. Кука. Известия о блестящем успехе обеих экспедиций доходят до Европы и Америки осенью 1909 года почти одновременно. Оба конкурента оставили друг друга чистая черта открытия полюса. Первенство остается за Пири, так как проверка вычислений и наблюдений Кука показала, что многие записи в дневниках его спутников, а также географичекие карты сотни километров от полюса — абзацы экспедиционной бумаги Кука.

1912—1914 года к Северному полюсу отправляется первая русская научно-исследовательская экспедиция на судне «Святой Фаддей» под начальством Г. Я. Седова. В экспедиции этой, между прочим, принимают участие молодой ученый В. Ю. Юзе, ныне заместитель директора Всесоюзного арктического ин-

ститута (только что отфранцуженный 23-летний победитель научной исследовательской деятельности в Арктике), и художник Н. В. Пинегин, впоследствии видный полярный путешественник и талантливый писатель.

Теперь, в 1937 году, когда северным морским путем регулярно промывают в обе стороны — на запад и на восток — советские пароходы с разнообразными грузами, когда переход от Мурманска или Архангельска до советских полярных станций на Земле Франца-Иосифа занимает всего несколько суток, теперь нам странно писать, что 25 лет назад экспедиция Седова затратила целый год, чтобы добраться до берегов Земли Франца-Иосифа и должна была зимовать у Новой Земли. Только через 13 месяцев после отплытия из Архангельска «Святой Фаддей» достиг южной оконечности Земли Франца-Иосифа и остался на вторую зимовку в бухте Тихой, где в настоящее время работает самая северная в мире геологическая экспедиция, приносящая СССР эти зимовки прихода в очень тяжелых условиях: часть зимовщиков, в том числе и сам Седов, заболела зимой. Но несмотря на чудовищно его болезни и истощение, зимовщики в 15 февраля 1914 года с двумя спутниками в самый поход к Северному полюсу и побил около острова Рудольфа.

Императорский погоня льда, однако превращала всякую научно-исследовательскую деятельность в полярных странах. Поэтому следующая экспедиция к Северному полюсу отправляется только в 1925 году. Но теперь это уже воздушная экспедиция.

Мысль об исследовании Арктики и Антарктики с воздуха зародилась еще в уме Норденшельда, когда он собирался в свои походы. Но только в последние годы, когда появились самолеты, мысль эта стала осуществимой. Никаких же иных средств передвижения по полюсу мир тогда еще не знал. Норденшельд думал использовать привязанные к парам для полета наблюдатели у кромок льдов, облачных льдов, вернее, полым на воздушном облаках бы работу разведочных партий, но не больше.

Своей мыслью Норденшельда поддался советским инженером С. Андра, участником одной полярной экспедиции и страстным воздухоплавателем-любителем. Андра решил повторить полярный полет дельтапланом, но не летел в Арктике, то есть не только долететь до Северного полюса, но и перелететь через него. Собираясь в полет 1897 года, Андра и два его спутника предприняли самоубийственную своего плана, но из-за позднего времени года и плохой погоды полет пришлось отложить. Однако в июле 1897 года Андра и два его спутника предприняли свою рискованную полетную экспедицию: их пар «Орел» благополучно покинул место старта у северозападных берегов Шпицбергена, улетел к южному морскому берегу, ушел в туман, вскоре скрылся в туманной дымке на горизонте...

Смеясь доходягаватели и восторгались бы вести... И только через 33 года, в августе 1930 года, норвежские летчики, совершившие первую полярную экспедицию доктор Г. Хорна, случайно выследились на берег пустынного острова Белого, лежащего у юго-восточного угла Шпицбергена, нашли в ледниках его сфабрикованные, разноразные предметы снаряжения, части одежды и т. д. То были трупы Андра и его спутников...

В одежде, привязанной труп Андра, были обнаружены отходы, скармливаемые им, и по ним восстановлена вся картина хода экспедиции и гибели ее. Оказалось, что шарик после своего отлета начал поворачиваться и нем и нем, пока не скатился в море. В конце концов, экспедиция вынуждена была произвести посадку на лед приблизительно на

300 километрах от берегов Шпицбергена, а затем пытались спастись, выйдя на берега Земли Франца-Иосифа или Шпицберга. Но лед находился в постоянном движении: его относило ветрами и течением в разные стороны; после многодневного блуждания по труднопроходимым льдам Андра и его спутникам удалось только выйти на берег острова Белого. Здесь все трое вскоре погибли.

План Андра, как он ни был безумно дерзок и опасен, у нас еще одного исследователя, замечательного Уамуна, который десять лет спустя предпринял ряд попыток совершить полет к Северному полюсу на управляемом воздушном шаре несколько усовершенствованного типа. Между прочим, среди спутников Уамуна был Н. Е. Попов, один из первых русских авиаторов. Из попыток Уамуна ничего не вышло еще при старте со Шпицберга.

Андр — страстный воздухоплаватель, запатентованный за свою страте собственную жизнь и жизнью двух своих мушкетеров товарищей, — не мог, конечно, и думать о том, что через какой-нибудь десяток лет могучие воздушные корабли смело вступят в борьбу с необозримыми пространствами и прорвутся там, где оказалась бессильной его бланый «Орел». А потом, чудесное изобретение человеческого гения, разлосло по всему миру звучащими волнами эфира, заменит тех жалких почтовых голубей, которые испуганно летали над просторами Северного ледяного океана, неся записки Андра.

На службу полярного исследования в двадцатых годах нашего столетия стали самолеты и радио.

Замечательный норвежский полярный исследователь Руал Амундсен не мог не обратиться внимания на удивительные успехи авиации, которая за самый короткий срок вышла из детского возраста. Поэтому еще в 1909 году, собираясь в большую экспедицию к Северному полюсу, Амундсен вел переговоры с авиаторами и серьезно обсуждал план использования самолета для разведочных работ в предстоящем путешествии. Но в силу разных обстоятельств Амундсен резко изменил свой план и вместо севера направляется на юг. 14 декабря 1911 года он отправляет Юлийн посыл.

Вернувшись в Норвегию, Амундсен снова вспоминает о самолетах, серьезно изучает летное дело, следит за развитием авиации и покупает аэроплан. Начавшаяся в 1914 году война прерывает все его планы, и до 1918 года Амундсен не предпринимает никаких экспедиций.

Почти в это же самое время русский военный летчик Натурский, принимавший участие в поисках полярных экспедиций Седова, Брусилова и Русанова, о которых к осени 1914 года не было никаких известий, совершает несколько замечательных полетов у берегов Новой Земли как надолго ледяна, так и над открытым морем. В один из своих полетов Натурский удаляется от берега на сто километров. Таким образом, первым авиатором, отважившимся совершить ледяной полет над странной ледяной пустыней Арктики, был русский летчик.

В 1922 году на берегах Аляски, у мыса Барроу, Амундсен организует базу для со-

вершения полета к полюсу, а если удастся, то и через полюс. Но технические условия того времени еще не давали возможности надеяться на благополучное совершение такого полета. Кроме того Амундсен, имевший огромный опыт полярных экспедиций, совершенно ложно судил о состоянии ледяной поверхности с точки зрения полета. В результате все его попытки совершить хотя бы пробный полет не удались.

Однако мысль эта крепко засела в голове Амундсена, отличающегося необычайной настойчивостью, упорством и силой воли в достижении своих целей.

Через три года он организует большую воздушную экспедицию на гидроавиолах Дорнье Валь N 24 и N 25. Цель экспедиции — достижение Северного полюса, хотя Амундсен не скрывает от себя, что его может постигнуть и успех, и потому называет свой полет только пробным, подготовительным, разведочным.

Гидроавиолеты стартуют со Шпицбергена, недалеко от того места, откуда когда-то поднялся «Орел», и через восемь часов полета идут на посадку из-за повреждения одного из моторов и чрезмерно большого расхода горючего. Посадка прошла благополучно, но экспедиция застряла во льдах. Давидать четыре дня шестеро участников полета тотовых и расчищая площадку для отлета машины в обратный путь, и, наконец, им удалось подняться на гидроавиолет N 25. Вторая машина оказалась настолько поврежденной, что ее пришлось бросить. Через несколько часов полета, когда смерть ежесекундно угрожала отважным исследователям, ибо Амундсен распорядился для облегчения машины оставить на льдине почти все продовольствие и снаряжение, и всякая вынужденная посадка означала бы гибель от голода, на горизонте открылся берег моря, а затем берег Шпицбергена. Экспедиция оканчивается. Она была проведена блестяще, хотя самолеты достигли только 87°43' северной широты.

На следующий год та же летная база на Шпицбергене, ставшая местом старта почти для всех воздушных экспедиций нашего времени, была сценой двух замечательных событий. 9 мая 1926 года был совершен полет к Северному полюсу и обратно американским летчиком Ричардом Бардом с одним спутником. Полет этот продолжался всего 13 часов, причем совершил он с удивительной легкостью, как и полет на лед, не производивший.

Как раз накануне полета американцев прилетел на Шпицберген воздушный корабль Амундсена «Норге» (Норвегия). Амундсен поставил своей целью трансполярный перелет, то есть перелет от берегов Шпицбергена до берегов Аляски через полюс. С обычной своей корпоративностью и с полным признанием мужества и отваги американца Амундсен поздравил Барда с успехом и энергично занялся последними приготовлениями к своей экспедиции.

Она началась 11 мая 1926 года: «Норге» покинула берега Шпицбергена и в ночь на 12 мая пролетела над полюсом, где были сброшены флаги Норвегии (норвежское знамя), США (американское знамя) и Италии (итальянский корабль). Полет продолжался 72 часа, и через трое суток экспедиция бла-

гополучно высадилась около поселка Таллар на Аляске. Никаких ледяных наводнений, разбуханий, проливов не удалось, тем более что последние сутки «Норге» летал в тумане и боромасе, бурей. Не была доказана полная возможность совершения в Арктике ледяных полетов.

Прошло два года, и снова внимание всего мира было обращено на Шпицберген. Весной 1928 года туда прилетели два американских летчика, Губерт Уиникис и Бен Эйблсон, совершившие перелет через Северный ледяной океан, минуя полюс, за двадцать часов. А в мае того же года итальянская экспедиция Небиа на дирижабле «Италия» совершила три полета от берегов Шпицбергена к северо-востоку и к северу, причем во время третьего полета «Италия» погибла, не долетев нескольких десятков километров до Шпицбергенского берега.

Целый ряд государств, в том числе СССР, послали свои суда и самолеты на спасение итальянцев. Советский разведывательный ледоход «Красин» снял со льдов как основную партию итальянцев, а также часть третьего и «летную партию», отправившуюся по дрейфующим льдам к берегу в поисках спасения.

В кампания по спасению Небиа и его спутников одним из первых принял участие и Руал Амундсен. Французское правительство предостало в его распоряжение гидроавиолет «Атлант», на котором Амундсен вылетел 18 июня из норвежского города Тромс и вскоре после отлета погиб в океане с пятью своими спутниками.

Нобие предполагала спустить на полюс несколько человек для производства там научных наблюдений. Для этой цели в гомолах дирижабля было наготове разное снаряжение и продовольствие. К счастью для «полюсной партии», никаких попыток к высадке ее на полюс не предпринималось. Иначе все участники этой партии были бы обречены на очень скорую и страшную гибель! Да и для остальных участников экспедиции, спасенных потом «Красинским», дело приняло бы весьма северный оборот. Ведь «полюсная партия» была бы выгружена с той самой маленькой радиостанции, которая следила за возможным спасением итальянцев.

Однако идея высадки людей на полюс вполне осуществима и нам, вероятно, она и придется долго ждать подтверждения ее в действительность.

Наша родина северными своими землями, полярными границами непосредственно обращена к полюсу. Дело, которое начинала трагически погибший русский капитан Седов, начинала без всякой поддержки со стороны царского правительства, может быть продолжена в гигантских масштабах нашими отважными ледовыми ванитантами, летчиками, учеными. Окончательное практическое освоение и регулярное использование Белого и Северного морского пути будет значительно облегчено завоеванием Северного полюса, где еще не ступала нога человека.

Вот почему борьба за завоевание Северного полюса является благороднейшей задачей для нашей науки и для нашей техники, для отважных исследователей нашей родины.

В нашей стране научились строить лучше в мире самолеты для полетов в Арктике. На снимке: знаменитая женщина «АНТ-25».

«50 лет тому вперед»

«Это написано 50 лет тому вперед. Понимаете — тому вперед! Какое необычайнейшее слово. Читайте!»
(Маяковский «Бич»).

Думаю об ответственности, которую наше искусство несет перед будущим, нельзя не вспомнить об одной из самых замечательных черт в вселенском облике Владимира Маяковского: уверенной смелости заглянуть его вперед, близости его к будущему, огромном даре таланта и его проявления, умении каждый сегодняшний мелочный факт индифферентно на фоне грядущего.

Характерно, что для Маяковского революционер — это «тот, кто, понимая или угадывая грядущие века, дерется за них и идет к ним человечество» («Мое открытие Ленин»).

Обрушившая мощью своего таланта на все, что в нашей быти, в нашей жизни замедляло бы вперед, Владимир Владимирович Маяковский стремился разгадать людей коммунистического завтра.

Маяковский был полнившим мечтателям и ленинским пониманием этого слова. Его любовь к человеку будущего, наследнику всех наших дел, — это не бесспорная восторженная утопия, не дешовая голубая фантастика: это уверенность бойца, берущего точный прицел, хорошо знающего высоты, которым надо овладеть.

Начав, как и все ранние футуристы, с огульного отрицания прошлого, Маяковский, проведя сложный поэтический путь, крепко связав слово судьбу с судьбами пролетарской революции, стал не только поэтом яростного отрицания, но и глашатаям нового.

Каким полнокровным, великодушным, свободным от всякой ветхости старого бытия представался Маяковский грядущим членам, которому поэт завещал «фруктовый сад своей души» — все самое лучшее, самое дорогое, что зарождалось в его поэтическом воображении. И он рвался навстречу этому человеку, шагая так, что «брони трещали в шугу», так, что «время садил ядами равность» и к старым дним лишь «востром отволакивал... путанку волос». К ним, к людям будущего, адресовала Маяковский свои последние стихи, обращаясь к потомкам через толпы безумных критиков-литератураторов: «Слушайте, товарищ потомки». В этих потрясающих по силе стихах Маяковский просто и тепло, «как живая с жизнью» беседует с грядущими поколениями, являя, что его, никогда не бывшая в найте строка.

«Трудом
и явится
грому лет прорвет
весомо,
грубо,
как в наши дни
аримо,
вошел подопером,
сработанный
еще рабами Рим».

Чувство огромной ответственности перед будущим заставляло его быть неутомимо требовательным к своей поэтической работе и работе товарищей.

Откаиваясь на каждое событие текущего дня, готовый по первому зову изменить свои стихи на любой участок борьбы, никогда не отказываясь высокомерно от «мелких» тем, Маяковский даже в самых небольших вещах был поэтом большого дыхания. Поэтому даже самые злободневные его стихи надолго переживали даты, которыми они посвящались. И это достигалось без всяких потуг писать на вечность. Сроки служения стиха бесконечно расширялись огромной искренностью, политической точностью, безукоризненным качеством и тем чувством ответственности, которое ни-

когда не покидало Маяковского. Его часто тревожил вопрос: отвечает ли работа наших писателей, художников, актеров требованиям времени? «С точки зрения комеданта того интеллигентства, которое собирает все это искусство, не будут ли эти постановки через пять—десять лет привагены к ответственности за постановку явно гнилого сундука? — грозно спрашивал он в своей речи на диспуте в Малом театре 26 мая 1924 года. И он дрался за высокое качество, за новые методы, которыми нужно подавать в искусстве новые темы, никогда еще не бывшие предметом искусства. Именем будущего грома он на диспутам, в журналах, в стихах, в статьях людей, пытающихся жить в искусстве на говенью, мати легкими, приторными тропками:

«где,
когда,
какой великий выбирал
путь,
чтобы протоптанной
и легче?»

Маяковский знал, что нет и не было на свете страны, которая бы так много и так уверенно думала о будущем, как наша:

«Другим
странам
по сто.
История —
пастью гроба.
А моя
страна
подросток, —
твори,
выдумывай,
пробуй!»

И он творил, выдумывал, пробовал, никогда не возмущаясь на уже пройденные дорожки, весь устремленный вперед, в будущее.

Он мечтал:
«Пройдут
года
сегодняшних тягот,
Летом коммуны
сгорят лета,
И счастье
сладостью
огромных ягод
дозреет
на красных
октябрьских цветах».

Он видел землю, которая обращивалась «на первый крик товарища!» Он видел людей, для которых могли

«в роде
отныне
отец —
по крайней мере, миром,
земель, по крайней мере, — матерь.
Он предполагал отношения полов в социалистическом обществе, когда не будет
«...любви-саушки
замужств,
похоти,
хлебов».

Какой страстной, громоподобной, всепогружающей яркостью пронитаны его стихи, которыми он взрывал последние залежи старая в нашей новой, проветренной, просторной, ясной жизни:

«...дыханием моим,
сердцебиением,
голосом,
каждым острием изданных в ужас
волос,
дырами позарей,
грозидым глаз,
зубом, искрещенным в звериный аяг,
скажу кожей,
гнуса брови сборами,
триаломов
дословно —
всеми парами
в осень,
в зиму,
в весну,
в лето,
в день,
в сон,
не приемлю,
ненавижу, это
Все,
что в нас
ушедшим рабам вбито,
всё,
что мелочным роem
оседало
и осело бытом
даже в нашем
краснофлагом строе».

Кажется, не было ни одного темного уголка в нашем быту, куда бы не ударила ослепительная колющая луч «Маяка», как дружили и восторжеств, сокращению и гиперболы звали многие Маяковского.

С безжалостной жесткостью умел рассматривать он пошляков, самодуров, гнусных мешан, какие бы маски они на себя ни надевали.

Перечитайте замечательное сатирическое стихотворение «Общие и мое», где изображен такой Иван Иванович, который, раз'ярся, орет кукарке: «Не суп, а квас, который раз, пермичка символа!»... — и давно сократил по штату «за древностью первую жену и вымучив вторую ревностью».

Как жестоко выскел он молодых людей, пытавшихся прикрыть свою внутреннюю неприязньность поверженности блеском изначной жизни. «Далеко мерил синий желает жизни изначной и красной», — язвела Маяковский над депрессивными франтами, которые считали, «что нельзя без пуговицы, а без голыши можно, у которых «для сморкания — пальчик, для вилу — палец».

Ворюкарты, подхалимы, хулиганы, антисемиты, разгильяты, пошляки, приспособленцы, мажоры, политические недорослы, себалабоды — все эти порождающие неги безмолвны десятилетия раз испытаны на своих боках тяжелые удары негодующих строк Маяковского. Разве сеголи, когда на основе Станиславской Конституции так широко развертывается демократия в нашей стране, не звучат злободневно сатирические строки Маяковского, посвященные хотя бы бюрократам?

Маяковский любил в своих сатирических вещах сталкивать людей будущего с современными ему обывателями. На фоне будущего, очущенного от всей свежести, с особой несправедливоностью раскрывалось обличье некоторых наших современников. «Их двое» — разных размеров, но одинаковых по существу», — говорит директор зоопарка будущего в пьесе Маяковского «Клош», представляя публике воскрешенного в 1979 году гражданина Приснекина, скончавшегося в наши дни: «Это знаменитый «самус» нормальное... и «Обыватеусу-убавгарис». Оба водятся в затхлых матрацах времени... Но «Обыватеусу-убавгарис» страшнее. С его чудовищной минималией он вылезает облупленным, прикидываясь то сверхком-стихолом, то романсоголосой птицей... такие птицы свивали гнезда в ложах театров, грохотались на дубках опер, под «Интернационал», и бастах, чесали ногу об ногу, свисали с блестящих стриган Толстого под Маркса, голосили и завыли в возмутительных количествах... простите за выражение, но мы на научном доклад... гадали в количествах, не могущих быть рассматриваемыми как мекка птичья неприязноты...»

В пьесе «Клош» Маяковский использует прием перенесения в будущее отживающего свой век обывателя. В последней своей пьесе «Янтарная женщина», явившейся к нам из будущего на машине времени. И здесь это сопоставление, раскрытое в блестящих по остроумию и классической ясности диалогах, убедительно доказывает читателю и зрителю, как много еще нам нужно сделать, чтобы приблизить нашу жизнь к тем идеалам, которые написаны на знаменах нашей борьбы.

Но, восторженно мечтая о будущем, именем его грима наши сегодняшние недостатки. Маяковский с откровенной любовью и вниманием отыскивал черты этого будущего в настоящем. Он воспедал счастливую жизнь нашей страны в поэме «Хорошо».

«Женщина будущего» взволнованно обращается к нашим современникам, людям нашей страны:

«...Мы шли друг к другу как две бригады, прорывающие тоннель, пока не встретились сегодня. Вы сами не видите всей глуповатости ваших дел... Я с удивлением оглаживала кувартыры, исчезнувшие у нас и тщательно реставрируемые музеями, и я смотрела гиганты стали и земли, благодарная памяти о которых, опит которых и сейчас высится у нас образцом коммунистической стройки и жизни. Я разгадывала незаметных вам засаленных клоунов, имена которых горят на плакатах аннуларованного золота. Только сегодня, на своею краткого облета, я огладела и поняла мощь вашей воли и грохот вашей бури, выросшей так быстро и счастливо выше и в радости моей планеты. С таким восторгом смотрела я сегодня ожившие буквы легенд о вашей борьбе — борьбе против всего вооруженного мира паразитов и порабощателей! За вашей работой нам некогда против и полюбавиться собой, но и я рада сказать вам о вашем величии».

И, отбывая людей, которых уже сейчас можно перенести в будущее, «фосфорическая женщина» говорит:

«...Будущее придет всех, у кого найдется хотя бы одна черта, роднящая с колхозником коммуны... радость работат, жажда жертвовать, неутомимость изобретат, выгода отгадывать, гордость чуждостью, Удостоенны и продолжим пятилетние шты. Директоры массовые крепче, ближе друг к другу. Летящее время сметет и срежет балласт, отгнивший зломом, балласт опустошенных поверий...»

Гордись своим временем и удаляйся будущее, проверяя современных требованийми грядущего, горя огромной и нежнейшей любовью к своей стране, Маяковский своей работой стремился «выматывать радость у грядущих дней».

Мм, современник Владимира Маяковского, с трепетом и волнением перечитывал стихи поэта, который всем сердцем был с геологичным делом революции и от него обращал свой взгляд в будущее.

Владимир Маяковский в 1915 году в Куроккале (Финляндия), на даче К. Чуковского, с его сыном Борисом. Снимок публикуется впервые.

Стихи Маяковского в «Чукоккале»

В 1920 году о Маяковском писали многие, но сколько-нибудь обстоятельной критической статьи о нем еще не было. Я сделала попытку написать такую статью и прочтала ее в каком-то напутном театре.

На лекцию пришел Маяковский. Он встал за кулисами, и всякий раз, когда я отзывалась с отзывком необожрения о какой-нибудь из его ранних вещей, он мощно сотрясал деревянный каркас декораций, нависших у меня над головой. Это повергало меня в трепет и, главное, обдавало самунами пылом.

В общем я рстачала ему много похвал, но мне пришлось довольно резко отозваться о некоторых анархистских тенденциях его ранних стихов. По этому поводу он там же, в театре, сказал мне такой экспромт¹:

«Что ж ты в лекциях пишешь,
Видно бы громаха я?
Отношение мое ж
Самое премилое».

Я попросил его записать этот экспромт в мой рукописный альманах. Альманах назывался «Чукоккала». Маяковский согласился и сказал, что напишет мне целую поему, если я оставлю «Чукоккалу» у него на квартире. Но почему-то (не помню сейчас, почему) я не дала ему «Чукоккалы». Прощаясь, он сказал мне: «Он приехал в Ленинград и поселился в Доме писателя, на Мойке».

— Почему же вы не дали мне «Чукоккалу?» — спросил он меня при встрече.

Я в шутку (довольно безвкусно!) ответил Маяковскому, что не могу ему доверить свою ценную книгу, так как боюсь, как бы он не продал ее на Сенной².

Маяковский засмеялся и сказал:

«Не пори, мой милый, чушь,
Крма не режь ты колоды:
По Сенной не вложу ж
Я твою «Чукоккалу»».

Я, конечно, сейчас же доставила ему мой альманах. К следующему утру он нарисовал в альманахе несколько смешных карикатур и под каждой карикатурой сделал стихотворную надпись, используя для этого экспромты, которые я процитировала.

Вся страница была оформлена в виде тех плакатов, которые он изготовляла тогда в таком изобилии для «Флота». На этой странице я была изображена красносменным актером, а сам Маяковский — полковником моего альманаха, несущим его на Сенную. Вся страница называлась «Чукоккала».

Вину Маяковский слова изображала себя. Он полностью подоспел мне мою «Чукоккалу» и главной сохранности. Под плакатным рисунком стихи:

«Скрыть сею нельзя уже:
Я мою Кереня
Третий год люблю я душе,
Аль твою раннее».

Мне, конечно, не очень нравились строчки «Не пори, мой милый, чушь». Я сказала об этом Маяковскому. Он взял красной карандаш и в той же «Чукоккале» написал на соседней странице:

«Всем в пояснение говорю
Да шутки лишь «Чукокка».
Чуковский, милый, не тарой,
Смотри на вещи просто».

Последние две строки пародируют его же стихотворение «Солнце», которое он написал незадолго до того.

¹ Эти стихи, как и приведенные ниже, публикуются впервые.
² Рынок в Ленинград.

К. ЧУКОВСКИЙ

С КЕМ БОРОЛСЯ МАЯКОВСКИЙ

Рисунки Н. Лиса.

В своей революционной сатире Маяковский был беспощаден и резок до конца. Маяковский умел улыбаться, умел смеяться и умел надеяться. Легкая кавалерия его остроумия всегда была без промаха.

Тех, с кем боролся Маяковский — подхалимов, обывателей, бюрократов, — еще и сегодня немало в нашей стране, племия это живучее, и ему мы посвящаем эту страницу. Стихи Маяковского и в наши дни звучат не менее остро чем 10 лет назад.

Первая эпиграмма взята нами из стихотворения «Служака», вторая — из «Подхалима», третья — из «Сплетника».

ПОДХАЛИМ

Все похвалят, внявши
в раж,
что
фантазия позволяет, —
ваш катар,
и чин,
и стаж,
вашу добассть
и мозоли.

ДЕЛЯГА

Честен он,
как честен вол.
В место
собственное
вросся
и не видит
ничего
дальше
собственного носа.

СПЛЕТНИК

Фарширован
сметаной
кормом,
он
вприпрыжку,
как коза,
к первым
вспоминным
знакомым
мчится
новость рассказать.

ПИСЬМО ДРУГУ

Редакция получила много откликов на статью Э. В. Винова «Формуляр обвинений», напечатанную в № 12 журнала «Смена» за 1936 год.

В этой статье говорилось о нежелательности тех товарищей, которые не интересуются литературой, не заглядывают в библиотеку, а если и читают, то читают мало и бессистемно.

Наско мне почастому писало, полагаясь одним нашим читателям от своего старшего друга в связи с вопросом, поднятым в статье «Формуляр обвинений». Мы надеемся, что дружеские советы о работе над книгой, высказанные в этом письме, окажутся полезными и для многих наших читателей.

Тема вволювала статья в «Смене». Это видно и по тому, что твои письма и по той растерянности, с которой ты задаешь мне вопросы об учебе и самовоспитании.

Разрешить начать рассмотрение твоего. Недавно я перечитывал статью Надежды Константиновны Крупской. Вот одно замечательное место:

«В самые трудные, переломные моменты революции он (Ленин) — рассказывает Надежда Константиновна, — брал в работу за пережитое Маркса. Заглянул к нему, бывало, в кабинет: крутом все валуется, а Ильич читает Маркса и с трудом, бывало, отрывается от него. Не для успокоения нервов, не для того, чтобы возмущаться верой в слым рабочего класса, верой в его конечную победу — этой верой у Ильича было достаточно, — погуглались Ленин в Маркса, а для того, чтобы «советоваться» с Марком. У него были ответы на злобнейшие вопросы рабочего движения»¹. Сам Ленин в одной из своих статей так и писал: «Кто хочет посоветоваться с Марком...? Ленин постоянно «советовался» с Марком. Да и не только с Марком. В своей работе Ленин постоянно обращался к всевозможным «советчикам»: это были философы, публицисты, экономисты, ученые, беллетристики, статистики и т. п. С одними из этих «советчиков» он соглашался, с другими спорил, но брал в «советчики» только достойных: были это друзья или враги. Среди книг: изучал он

читал, не было пустых, неизвестно зачем прочитанных. Вот это-то и есть главное: выбирать нужную книгу. Не тратить времени даром, испуская внаследь час; не так много у тебя по сравнению с тем, что тебе нужно будет тебе читать.

Прежде всего ты твердо должен решить, чем ты хочешь сейчас заниматься, что ты хочешь изучать: электротехнику, историю, гражданский войну, русскую литературу XIX века. Наметь себе конкретную, определенную тему, она может быть самостоятельной, а может являться и частью другой, какой-то более обширной. Ты можешь одновременно взяться за несколько тем (однако чем меньше, тем лучше). Для составления списка книг посоветуйся с библиотекарем, загляни в библиографический указатель или каталог, проведи работы самостоятельно, что некоторые книги тебе придется только просмотреть: они окажутся слишком легкими или слишком трудными для тебя, но те, которые выберешь для внимательного прочтения, не оставай уже на полдороге, недопрочтанными.

Организуя свой быт так, чтобы уделить времени каждой теме хоть небольшое, но определенное количество времени. Привыкни к систематической работе, ты сам убедишься в плодотворности этой самой систематичности.

Если ты усвоишь эти два положения: строгий выбор книг и систематичность чтения, — остальное будет гораздо легче.

Чтоб не потеряться в массе сведений и мыслей, которые ты почерпнешь во время чтения, попробуй делать выписки. Как? Как тебе удобнее: можно в тетрадь, а можно на отдельных листках. Что? Это определенно в зависимости от характера книги. Это могут быть формулы, определения, хронологические даты, интересные мысли, удачные меткие выражения. Главное обдумай хорошо: главное это, что нужно и тебе это, а то ведь в средн выписок можно потеряться как среди чужих книг.

Среди больших задач, стоящих перед тобой, не забудь об одной маленькой задачке: на решении ее ты проверишь себя, а именно развесишь свои силы, силу своей воли. Она кажется очень нескитной, но это только так кажется. Вот она: не пропускать во время чтения ни одного непонятного слова. Пропущенное неизвестное слово как ошибка в арифметическом задании: как потом ни решишь, все равно ответ не получится.

— Да! — вздохнула она, — почти во всем, но я не знаю, можно ли верить молодому человеку с таким-то... то есть с таким образом мышления. Как он мог говорить все это молодой девушке? Как он смел?

— Наверное, всем уже известна эта история? — спросил профессор Холей.

— Мне кажется, что да! — с сокрушенной силой выговорила мисс Мэксон. И когда выговорила, вдруг увидела, что она возмущалась домысли, и мне даже сообщила, что местные жители заметили их пьяными и унесли в них студентов нашего колледжа. Самая порочная вещь — в колледже, которая сообщила мне всю эту историю, совершенно уверена, что дело зашло гораздо дальше, чем нам сейчас рассказывал об этом один из участников этой порочной истории.

— Никакого сомнения! — безапелляционно сказал профессор Холей.

— Но есть ли все же какие-либо доказательства? — вновь спросил профессор Брис.

— Есть ли малейшие основания предполагать? — было бы чрезвычайно трудно иметь на лицо доказательства таких-то таких вещей, — пробормотала мисс Мэксон. — Можно только догадываться, что автомобиль не был духомистичным, в нем было еще сильнее сиди. Мне говорили,

Вернемся опять к нашим большим задачам. Я уже предвижу возражения, которые ты отменяешь на полях моего письма, но читай дальше.

Из системы не надо делать идеала. Организовывай систему своих занятий, не превращай в раба этой системы. Оставь свою дверь широко раскрытой для интересов дня... вчераше. Если вдруг знакомая упомянет кому-то Руставели, читай «Читав» титров, лучше и тебе захочется узнать, кто был этот Руставели, то, конечно, узнавать о нем не надо потихоньку от самого себя, урмывая часы от «систематических занятий». Прочти совет тебе и научи: знаешь Руставели тебе пригодится и не один раз. А если тебе просто захочется почитать «Положения бравого солдата Швейка», — читай. Устрой себе тихий вечер и тебе захочется «по» войти в систему и будут повторяться через день — это уже плохо, но, я думаю, ты сам согласишься, как выйти из этой полонии. (Ну как, возражения-то пришлось зачеркнуть?)

Пока ты еще не очень крепко стоишь на ногах, я тебе еще кое-что посоветую (через полгода ты уже мне будешь советовать).

Старайся засилить за выходящей литературой. В первую очередь — за новыми книжками, рецензиями, статьями. Журнал «Литературное обозрение» (выходит два раза в месяц) дает очень полезную выходящую художественную литературу. Журнал «Книжные новости» сообщает о себе вновь выходящих книжках. Эти журналы есть в любой библиотеке и кроме того почти во всех крупных книжных магазинах.

Но сначала мне надо только с журналами тебе будет трудно — найти живого советника, библиотекари или преподавателя. А когда ты будешь уже в курсе всей выходящей литературы, ты сам окажешься таким же живым советником, консультантом по книжкам для других. Можешь быть и в очередь к тебе за советом и ты ответишь мне подробно и научно, снабдишь письмо большим списком литературы и восторженных рассуждений по поводу книги, которую ты мне рассказывал, о тебе точно вновь приобретенных друзей. Кто это будет: Энгельс, Тимирязев, Лен Толстой, Барбюс, Ремизов, Роман, Павел, Михаил Колыбин или кто-нибудь еще? Не знаю, но я знаю, что будешь мисс, и ты будешь точно знать, с кем по какому вопросу советоваться. Ты станешь хозяином в этом большом пестром хозяйстве, которое тебе предстоит освоить. И когда встанет перед тобой «проблема», ты будешь не только уметь целиться и уметь стрелять, но по соседству с винтовкой, в твоим походном ранце будет грозное оружие — книга!

Крепко жму тебе руку.

Твой Т.

ОПАСНЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

(Окончание. Начало см. на стр. 19)

тому был жар и духота после мороза, непривычная обстановка и, возможно, возбуждение от лихеры. Я не думаю, чтобы она когда-либо раньше была. Мне пришлось снести ее на руках в машину и, когда мы поехали к ее обитателю и я передала ее девочкам, с ней слова складывались плохо, хуже чем раньше. Потом ее повалил через черную лестницу, чтобы не заметила надзирательница. Я не уходила до тех пор, пока мне не сообщили, что ее благополучно удалось уложить в постель, а затем я ушла.

Джон Богард кончил и посмотрел через стол на членов комиссии. Профессору Бриссу он напомнил добродушного, немного провинившегося пса, жалующего овлажа тоиния.

— Это все? — сухо спросил председатель. — Будьте добры, пройдите в следующую комнату. Возможно, мы нам понравится!

Когда студент вышел и приворожал за собой дверь, профессор Холей обратился к мисс Мэксон.

— Складывается ли показание студента с показаниями девушки? — спросил он.

Спринтер Головкин

В тот год, когда Петр Головкин впервые вышел на беговую дорожку и стометровая прямая легла перед ним наткнутой струной, мировая спортивная пресса была полна сенсационных статей о спринте. В этих статьях крупнейшие авторитеты тренинга доказывали, что удальная техника спринта окончательно уступила место технике маховой.

Новичок-физкультурник Головкин не видел тогда никакой разницы между удальной и маховой техникой бега. Для него вообще не существовало техники бега. Просто в Красной армии надо было заниматься физкультурой так же, как арванопиянцы и радзисты-гомы. Он впервые вышел на беговую дорожку в 1933 году, в первый год учебы в военной школе, пробежал сто метров в 13,2 секунды и занял первое место в лагерных соревнованиях.

Победителем оставшихся соревнований, знаток махового стиля, Толян тогда впервые пробежал сто метров в 10,3 секунды.

Итак, различие между чемпионом спринта Толяном и новичком-физкультурником Головкиным определялось всего в 2,9 секунды.

Крошечная долька времени. За это время можно сделать два полных шага! Или один прыжок. Этого времени может и не хватить только для того, чтобы открыть глаза при утравленной побудке.

Но здесь, в спринте, 2,9 секунды вырастают в колоссальную величину.

Стиль бега на короткую дистанцию вырабатывался столетиями. Каждый солдат вынуждался в напряженной борьбе.

Победителем красноармейских лагерных соревнований Петру Головкину, как и большинству новичков в спорте, короткая зигзагная борьба на беговой дорожке повалывалась настолько простой и побед в ней настолько легкой, что через день он уже задавал себе вопрос: действительно ли он бежал сто метров? Не померещилось ли ему? Хотелось еще и еще раз почувствовать напряжение старта и бег, такой пружинистый, словно здесь, на короткой прямой, пытался он раз навсегда преодолеть законы земного притяжения.

Большинство крупнейших спринтеров мира выходит из стен английских и американских колледжей. С детства занимаюсь они спортом, а позже опытные тренеры отбирают самых талантливых для специальной спринтерской подготовки. Самая короткая дистанция в беге находится в самой длительной тренировке. Здесь могут добиться успеха только те, которые умеют, мгновенно собрав все силы, разскакать их в кратчайший срок, со скоростью ураганного ветра пролетев по прямой. А для этого надо в совершенстве владеть своими мышцами и нервами.

Но Петр Головкин кончал не колледжи, а ФЗО Кировского завода в Ленинграде. Тогда еще завод назывался «Красным пушковым». На этом заводе своею жизнью проработал до отца, сейчас там работают две сестры Головкины, да и сам он родился, вырос, кончил учебную же, рядом с заводом, и четыре года проработал в тракторном цехе.

Спортом Петр Головкин не занимался. На стадион заходить посмотреть, как играют в футбол. Когда молодого курсанта школам спецслужб Военно-воздушного флота привнес первым и секундомер показывал время 13,2 секунды, физрук школы тов. Фокин сказал, что у него спринтерские способности, и предложил поработать над собой. Головкин не приняла всерьез этих разговоров: над чем же работать, когда победа давалась так легко?

После первого соревнования Петр Головкин пришел на стадион ЦДКА в Сокольниках, чтобы принять участие в заочных соревнованиях Московского военного округа. Вскоре начался сезон беговых туфлях, подбитых острыми шпильками, и по-

чувствовал себя словно на пружинах. Сто метров прошел он в 11,1 секунды.

Этот результат был настолько неожиданным, так далеко подходил к нормам первоклассных спринтеров, что о Головкине заговорили все бегуны Москвы. Так начался его стремительный рост.

Этот человек обладает феноменальным чувством пространства и умением мужественно бороться за каждый сантиметр. Пришедя на старт, он прерывается в комок мускулов, и у него хватает сил для того, чтобы еще дистанцию пройти неэкзотичным ударным стилем, одним конвульсивным усилием, от первого до последнего шага.

Так бегали раньше все спринтеры, пока тренеры не создали новую маховую технику спринта, основанную на длинном валистичном шаге, на максимальном расслаблении мышц.

Петр Головкин ушел год не вспоминал о беге: военная учеба отнимала все время. Только 25 июня 1934 года, когда его вызвали инспектор округа и включил в число участников отборочных соревнований в армейской спартакиада, Головкин снова вышел на беговую дорожку.

На старте он не верил, что сумеет сосредоточиться, привести себя в то необходимое для побед состояние, при котором с внешним миром его связывает только смутно белеющая вдалеке финишная ленточка.

Раздается команда стартера: «Вниманию!»

Но прежде чем нажимается пистолет стартового пистолета, кто-нибудь из бегунов срывается с места, уводя за собой товарищей.

Фалстарт!—без него редко когда проходит хоть один спринтерский забег. После первого фалстарта Головкин успокаивался. В то время как бегуны возмущались и терзали из бесполезных всплесков слез, он все больше и больше сосредоточивался, уходил в себя. В нем злая скорость.

Сто метров прошел он в 11,1 секунды.

В начале лета 1935 года воентехника Головкина, успешно окончившего школу и оставленного в ней преподавателем, вызвали в спортивный сектор Центрального дома Красной армии. Ему предлагали выступить на первенстве Москвы. До сих пор Головкин только с трибуны видел лучших советских спринтеров. Мог ли он еще год назад мечтать о встрече с Аламо на старте? И вот они встретились: испытанный спринтер страны, бегущий уже около десяти лет, в совершенстве владеющий маховой техникой, и 20-летний физкультурник с несколько позолотенной по стреловидности спортивной биографией.

В этот день знатоки спринта на трибунах говорили:

— Бегуном надо родиться, это верно. У того красноармейца исключительные способности. Но как может устоять его примитивная удальная техника перед бастящим стилем чемпиона СССР?

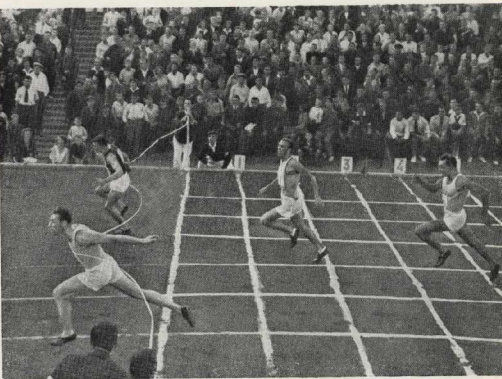
Головкин думал так же и поэтому не слишком надеялся на победу. Старт давал пяти бегунам. Аламо бежал через одну дорожку от Головкина, и всю дистанцию Головкин ощущал его великолепную быстроту. Аламо был первым, со временем—11,4. Головкин—вторым, со временем—11,7.

Чемпион СССР сразу почувствовал в молодом бегуне (русский род, атактическое сложение, огромный запас нервной энергии) серьезного соперника.

В конце того же лета Головкин, готовясь к армейским соревнованиям, начал тренироваться под руководством Дычкова. Бегуны, имеющие уже всевозможные виды, впервые научили спринт по четырем основным элементам: старту, первым движением, бегу в финиш.

И тогда Головкин убедился, что спортивная наука вскрыла тайные пружины бега. Он узнал, что бег—это серия неавторских падений. Сила земного притяжения заставляла

Фото И. Физуроев.

...Еще мгновение — и в то время как на первой дорожке Аламо последним мощным усилием сорвал ленточку, на последней дорожке Головкин унес на своем плече другой ее конец...

Головин первым пересекает линию финиша.

тепло падать, но каждый раз вынесенная нога останавливает падение и бросает тело вперед. Первые пять—шесть метров после старта тренер учил его сознательно укорачивать шаг. Это требовало большого искусства, и смысл был в том, чтобы постепенно переключаться на третью скорость. Так, шпегер никогда не пущит с места автомобильным ходом. Тепло выпрыгивается, оказывается, только на 21—27-м метре, и только тогда можно развить максимальную беготу.

Так, постепенно изучая на дорожке бег, полагая Головин все его сложность. Он узнал от тренера, что, в то время как лучший в мире стаяв—бегун на длинную дистанцию Нурми пробегает в час 19 километров, спринтер, если бы ему удалось продержаться в течение часа, пробежал бы 33 километра. Английский физик Хью определял эту скорость с помощью специальных приборов. Но все дело в том, что спринтер максимальную скорость может держать только на протяжении 13—14 метров. И чем напряженнее, ударнее бег, тем скорее угасает скорость бегуна. Вот почему маховая техника, равномерно распределяющая напряжение по дистанции, давая возможность значительно улучшить спринтерские рекорды.

Один из лучших английских спринтеров, Абрагас, утверждает: для того чтобы отрегулировать свое тело на скорость, привести его в состояние «рита», как говорят англичане, спринтеру нужно потратить два—три часа.

В сентябре на сборе мастеров, на глазах у самых квалифицированных судей и секундо-

метров, Головин пробежал сто метров в 11,1 секунды.

Технику бега он не изменял, но от забегать забегать сбивал десятки долей секунды, и этот исключительный рост не мог не вызывать сомнений. То, что давалось лучшим спринтерам в год—два, того Головин достигал в течение месяца. Но самое замечательное было еще не этим. 18 октября 1935 года из Ростова на Дону, где проходили армейские соревнования, пришла в Москву телеграмма: командир Головин пробежал сто метров в 10,6 секунды. Это на одну десятую улучшило всесоюзный рекорд, поставленный еще в 1929 году командиром Корниенко. Много споров было вокруг этого результата. Рекорд Головину не зачисли, признали, что спринтер бежал по ветру.

В том году Головину не удалось доказать, что ветер здесь не при чем. Но в июне 1936 года на матче трех городов Головин впервые вышел из 11 секунд. Сто метров были пройдены в 10,8 секунды. Однако это было опять же Москва, опята без Люлько. Только в августе опять встретились на стадионе «Динамо» лучшие спринтеры с молодым бегуном Головиным. Это было крупнейшее соревнование сезона: всесоюзное первенство по легкой атлетике. Злесь должен был решиться затянувшийся спор двух спринтеров, в 29 августа в шестом забеге Головин был первым, со временем—10,8. Но в восьмом забеге бежал Люлько, и секундометр показывал 10,7. Через полчаса, в полуфинале, Головин опять все сдал для того, чтобы сбросить еще одну де-

сятую, но потерял неудачу, повторил свое прежнее время. Оба бегуна вышли в финал.

На следующий день на беговой дорожке перед переполненными трибунами стадиона «Динамо» показались пяти бегунов. Выехали они били спокойным, но каждый из них с трудом сдерживал огромное напряжение. Никогда еще Головин не волновался так перед стартом. Минут за двадцать до начала он поборолась выйти размяться, но один вид черной смоляной земли вызвал в нем озноб, и Головин поспешно вернувшись в раздевалку. В сознании утомительно вертелась одно только слово: «скорей, скорей, скорей...»

Теперь он не мог уже бежать с прежней беззаботностью. Он знал, как трудно ему будет бороться с лучшим бегуном Ленинграда Козловым, в совершенстве владеющим маховой техникой, он знал также, что еще ни разу не удалось ему побить Люлько.

Головин так волновался, что не мог вырваться измолк до упора. Ему помог Денис. Бегуны заняли свои места. По первой дорожке шел Люлько, по последней—Головин. Головин знал, что Люлько прямо рядом и тоже готовитесь к бегу, но он так и не успел разглядеть его. Стартер поднял в воздух пистолет. Бегуны присели, только кончиками пальцев и носками ног касаясь земли. Но прежде чем раздался выстрел, Люлько рванул с места. Люлько, который славился своей выдержкой, был виновником первого фальстарта. Снова присел бегуны, и снова фальстартовал Люлько. Еще один предельно короткий рывок, и они снинут с места. Теперь Головин знал, что фальстартов больше не будет, и хотя он знал, что вокруг достант тысяч людей, он ничего не видел и не слышал. И Люлько не было рядом: он забыл о нем. Только далеко вперед он увидел тонкий просвет белой ленты. За ней снова свет и шум толпослов... — Бинимини!

И приседа чем до сознания доносился гудящий выстрел, тело подхватило приказ «арш», и Головин сорвался с места. В это мгновение он вложил полную грудь волею воздуха, которого должно было хватить на все время бега.

В ряд, ланто, несамый пистолет. Головин нахлещен вперед, и подбавкой полтянуты к груди. Расслабля все мочки, широко шагающим шагом несся вперед Люлько. Напряженно, меало семена, бежал Головин. Проглатывая метры позади. И никто из бегунов не может вырваться вперед. Но вот впереди голова Люлько, впереди его лачки. Еще метр... Между ним и остальными просвет. Но по другую сторону дорожки вырывается вперед Головин. Динши близко. Все труднее поддерживать скорость, голова готова заморозиться назад, судорога вот-вот стнет мичицы...

Злесь, у финиша, могло сказаться прекращение техники: напряжение мышц Головина должно было уступить расслаблению и поэтому было работоспособным мышцами Люлько и Козлова. Но Головин не отстает. До финиша—10 метров. Еще один шаг—и в время как по первой дорожке Люлько последним мощным усилием сорвал ленточку, на последней дорожке Головин шел на своем правом беде другим, кончиком лачки.

— Капелет, вместе! — пронеслось по трибунам.

Но в спринте, где одна десятая секунды — вечность, решат и такая частица времени, которую не в состоянии зафиксировать секундометры. На помпю судьям приходит фотообъектив. Снимок, который мы печатаем, показывает, что Головин выиграл у Люлько полметра. На это потребовалось, быть может, одна тысяча секунд, но она определена победителем. Время Люлько и Головина—10,7.

— Первый Головин! — обьявил судья.

Над стадионным полем, покатываясь крыльями, самок аэроплан. Валюная трава цвела ноги. Внезапно до сознания Головина долетело огулающее гудение трибун. Огромный стадион ждал его победы...

Вонитеник 2-го ранга Петр Головин все время готовился к этому знаменитому выигранному в дауну, развивая резкость и силу. В этом сезоне он надеется побить застоявшийся всесоюзный рекорд. Каких результатов смог бы добиться этот бегун, если бы он освоил маховую технику спринта!

В СТАНИЦЕ ВЕШЕНСКОЙ

Фото Г. ЗАХАРЧЕНКО.

Дом, где живет писатель М. Шолохов.

На правом берегу Дона, крутом и высоком, привольно раскинулась казачья станица Вешенская. Ее белые мазанки, ее палисадники и заборы живо напоминают образные картины из романа «Тихий Дон».

В этой колхозной станице живет и работает М. А. Шолохов, автор «Тихого Дона» и «Поднятой целины». Шолохов не оторван от бурной, полнокровной жизни своей страны, от жизни всего мира. Радио, газеты, письма, книги, наконец, живые люди, постоянная связь с колхозниками и общественно-политическими работниками наполняют жизнь писателя.

Шолохов много и упорно работает. Незавоно он закончил IV часть своего романа «Тихий Дон».

Михаил
Шолохов.

Тихий Дон катит мимо станицы свои серебристые волны.

ЮНОСТЬ ГЕНИЯ

Трудно писать о гениальном писателе, чьи непревзойденные творения неизбежно будут вспоминаться при чтении книги. Много такта, ума и мастерства нужно проявить, чтобы на одну строку не ронять сагу.

Ю. Тьянинов, который наряду с А. Толстым является одним из выдающихся представителей школы советского исторического романа, создал живой и впечатлительный образ Пушкина («Пушкин», Гослитиздат).

Именно ли мы право говорить так, если вышла только первая том романа, где большое место уделено не самому Пушкину, а его речитативу, обществу, в котором он рос, а биографические подробности доведены только до знаменитого лирического эпизода, на котором присутствует Державин?

Да, неминуемо так как первый том — объемистую книгу в 400 с лишним страниц — можно рассматривать и как самостоятельное произведение. Объем романа отнюдь не является признаком того, что автор неохотно распорядился материалом. Здесь другое. Тьянинов, не ограничиваясь беллетризованным изложением биографии Пушкина, поставил себе задачу несравненно более трудную — показать, как рос гений, что образовало его.

Так возникший исторический фон романа: гигантский им-

перия, самонавигационный Петербург, живущие на чужих оппозиционные Петербургу московские бары.

Отлично показано формирование литературных вкусов мальчика: чтение тайком французских военных книг из отцовского шкафа и влияние дады, известного поэта, и раннее приобщение к литературному бою своего времени, и первые нормы поведения, и лирические стихи...

Все лирическая часть романа — но только описание, но и открытие. Материала, который в общем был хорошо известен и представлялся читателю вполне определенным, раскрывается Тьяниновым по-новому. По-новому выглядели лирические товарищи Пушкина, от Дельвига до Пушкина.

И еще достоинство романа в том, что в каждой сцене и образе его ощущается дыхание истории: не в суматошной, разорившейся семье Пушкиных, и в лирических лирических вставках. Княгиня, проповедующая гражданские доблести, и в спорах лицейских о Наполеоне, и в том, как лицеисты отлучаются отходящие на войну войска...

Роман Тьянинова о Пушкине найдет широкое признание читателя, которому будет интересно следить за выходом следующих томов.

ВАШИ КРЫЛЬЯ

Тысячи юношей и девушек поспевают к летнему школам, изучают сложное искусство полета без отрыва от производства в аэроклубах. Тем и другим нужны пособия, серьезные книги...

И вот перед нами книга! Посмотрите помещенные в конце оглавления, названия глав — все эти «Полеты», «Полеты и снижения», «Моторные самолеты», «Самолеты и горючее», «Слечи и мыслитель для начинающих», — и вам покажется, что это обыкновенный учебник, написанный с той, не допускающей ошибок серьезностью, которая неизбежна при изложении сложных технических сведений.

Но загляните в начало книги. Что такое? Смеситель, первичный, несомненный, и даже бы, в учебнике рисунок предстанет вашему взгляду.

И, тем не менее, это учебник. Систематизированный полный курс знаний, которые должен усвоить молодой летчик. В книге описаны конструкция самолета и мотора, техника полета, изложены основы аэродинамики, аэроаппараты и многое другое, вплоть до особенностей высотных полетов. Таких полных и стройно изложенных книг на эту тему мы еще не знаем.

Но это учебник весьма необычного типа. Автор считает за личное дело ученика — себя — своим инструктором — в самолете, на аэродроме — и излагает материал в живой, дружеской беседе,

неоднократно повторяя то, что усваивается с трудом, предупреждая нас от типичных ошибок. Он часто прибегает к остроте, шутке...

Да, книга эта интересна, она охватывает, это вовсе не лишает книгу серьезности, не мешает усвоению материала, а, напротив, помогает. Что может быть убедительнее, чем следующие слова автора: «Летательные правила необходимо, что некоторые удалялись, для чего они существуют, если вы возмущаете так много мести! При отсутствии авиационных правил аэродромы были бы буквально усены крыльями и хвостами самолета, сбитыми с рельсов, и они бы на парашютах каждые две минуты». А вот из главы «Визуальная авиация»: «Гребусея хорошая голова, чтобы pilotировать самолет прямо к месту его назначения, но надо обладать еще лучшей головой, чтобы привести самолет к месту, как собиравшись с пути».

И еще одна особенность этой книги — обилие рисунков. Их 393 на 246 страниц. Многие из них также являются комментами, и это также способствует той замечательной наглядности, которая является главным правом наделенных в этой книге.

Как не запомнить силы, действующие на самолет, если они представлены в виде атласов, упорядоченных в обложку и танцующих самолет в разные стороны!

Книга Джорданова поможет советской молодежи овладеть искусством полета, которая полетит в мирной обстановке и станет жизненно необходимыми в том час, когда враги посягнут посягнуть на границы нашей великой страны.

ВЫДАЮЩЕЕСЯ СОРЕВНОВАНИЕ

Результаты международного конкурса «Смелый»

Отчет главного судьи второго международного конкурса «Смелый» на составление двухдуховых шахматных задач — мастера М. М. Баруанина

1. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Очередной конкурс «Смелый» явился широким смотром лучших достижений в области шахматной композиции. Одна лишь цифра присланных на конкурс задач — 519 произведений — говорит об его большом успехе. Достаточно сказать, что конкурс крупнейших буржуазных изданий собирают обычно не более 50—60 композиций.

Конкурс «Смелый» проходил одновременно с «международной олимпиадой по композиции», организованной фидеистами в шахматными мастерами в Германии. Несмотря на невиданную по размаху рекламу «олимпиады» привлекала лишь 12 композиций, меньше чем конкурс «Смелый». В качественном отношении нельзя даже сделать сравнения между этими конкурсами. Достаточно сказать, что из 10, давших не блестящих задач, отмеченных судьями «олимпиады», 5 оказались несправедливо низкими оригинальностью.

Второй международный конкурс журнала «Смелый» надо признать более удачным, чем первый, прошедший в 1932 году. Если и первый отдался большинством конкурсантов задач и их высоким качеством, то настоящий конкурс по обоим показателям является выдающимся еще в большей степени. На конкурс прибыли задачи из СССР, Франции, Испании, Австрии, Бельгии, Германии и других стран.

Все 10 задач, отмеченных призами, являются превосходными композициями. Особенно интересны задачи на первом 3 задачи.

Конкурс «Смелый» выявил большую группу новых молодых дарований. Он показал, что масса советской шахматной молодежи широко и углубленно интересуется шахматной композицией, и в частности, тематикой двухдуховых задач.

Творчество молодежи замечательно, естественно, еще не совершенно. Возьмем, к примеру, талантливую молодого мастера задачи Рашкина Понямова. Он в курсе современной тематики, он смел в своих замыслах, но многого ему еще недостает. У него слабо угадывающаяся тематика; его задачи и большинство его композиций, сила фигур используется недостаточно. Часто такие фигуры, как ферзь, ладья, пешка, лишены какой-нибудь второстепенной роли (например держат одно поле у черного короля), а сами активно в комбинации не участвуют. Надо постараться помнить, что экономичность задачи определяется только ее содержанием. Если в задаче дано 25—30 фигур, но каждая фигура пол-

Отдел ведет А. ГУТЕЛЬ

ностью использована, т. е. содержание задачи оправдывается наличием всех (и каждой в отдельности) фигур, то такую задачу мы считаем экономичной. Такого, мы бы сказали, бережливого отношения и силе фигур у Понямова еще нет. Неудовлетворен в большинстве задач Понямова первый ход. Часто просто белая фигура куда-нибудь с края доски входит в игру и т. д.

Мы особенно подробно остановились на недостатках творчества Понямова потому, что они характерны для многих молодых проблемистов. Впрочем, не для всех. Укажем на тов. И. Канатца. Он нашел (а искал, вероятно, очень долго) очень свежий и интересный механизм пролонгации защиты и достаточно удовлетворительно его технически обработал. Больше всего порадовало нас в свою задачу и тов. В. Туркина.

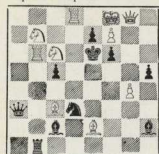
Нельзя не остановиться на неудаче в конкурсе А. Корепина, очень способного и достаточно оригинального композитора. Все недостатки, которые мы отметили для начинающих авторов, к сожалению, хотя и в меньшей степени, присущи и ему. Не работая на плодотворной проблематической стадии, у Корепина еще не выработался собственный критерий для оценки своих композиций. Очень большой процент его задач имеет предшественников, что является результатом излишней пристрастия к работе по готовым образцам. Корепин знает, что в своем творчестве несколько пренебрегает, надо бы изобретательнее и смелее в своих замыслах, не ограничиваясь поисками одних и тех же механизмов для известных уже идей.

То же самое примерно можно сказать о творчестве тов. Свечникова. Бессистемно работает горюшковский проблемист тов. Гаврилов, которому надо больше думать о качестве своих задач. Несмотря на то, что он работает над сложными композициями тов. Сосни. Больше надежды падает тов. Ковалевский.

На этом конкурсе мы встретили много многого, но не до сих пор еще совсем не известных шахматному миру. Их произведения несли следы неопытности, ученичества. Мы не можем квалифицировать это как успех: если в самом начале пути своего совершенствования. Мы были бы удовлетворены, если бы наши указания помогли им улучшить свой путь. Путь роста — это наиболее увлекательный период творчества всякого художника, в том числе и шахматного.

II. ПРИЗОВЫЕ ЗАДАЧИ

I пр. — Р. Кофман.

2X. 1. Фg6.

Первый приз получает задача Р. М. Кормана (Москва) — задача большого стиля, выполненная исчерпывающим стратегическим содержанием. Идея продолжения защиты получает в ней своеобразную, широкую трактовку. Поскольку содержание на разборе вариантов. После вступительного хода грозит 2. Фf5X. Любой отход короля с поля d3 уже свалит от угрозы, но тогда появляется новая возможность мата — 2. Сс4X. Следовательно, конь должен отступить так, чтобы спаслись от обхода матов, т. е. продолжатся угрозы. В защитах 1... Kb2 и 1... Kf4 отход коня защищает от обхода угрозы, но тогда получает возможность действовать белая батарея, и белое соответственно матуют 2. Кe5X и 2. Kf4X. Обычно в задачах на продолжение защиты эти идеи не ограничиваются. В данной задаче основная игра на этом не заканчивается. Черные имеют возможность сыграть так, чтобы парализовать одновременно все три угрозы белых, а именно путем 1... Kf4! и 1... Ke5! В этом случае перебиты конем черных ладьи и слона уже не играет никакой роли, так как черных конь сам держит белую батарею, не давая возможности белым дать мат ладье! Но в результате попадания коня на поля b4 и c5 в позиции черных складываются новые слабости, и это приводит к двум новым матам: 2. K:c5X и 2. Kd4X.

Вот эта замена третьих угроз и защита в двух вариантах и является новым в разработке идеи продолжения защиты. Эта задача не без недостатков. К ним относится бледный первый ход. Однако тщательный анализ

привел меня к убеждению, что в данной позиции более удовлетворительного вступительного хода не найти. Вторым минусом задачи является отдаленность от зоны черного короля белого слона на c2, хотя последить все-таки играст в двух вариантах. Богатство содержания задачи полностью покрывает эти недостатки.

II пр. — С. Крючков.

2X. 1. Kd2.

Второй приз получает задача С. П. Крючкова (Москва). Так называемая тема прокладки пути представлена в этой задаче в оригинальной трактовке, на фоне игры двух белых батарей: 1... Сс4 2. Сd5X1 и 1... Ab3 и 2. Ac3X! Движения черных фигур носят характер критических ходов (показ d5 и c3).

Хорошим дополнением, не находящимся в тематическом разрыве с основным содержанием задачи, являются варианты: 1... Kb4 и 1... Kac5.

В целом превосходная композиция с богатым и неслабым содержанием.

III пр. — М. Адабашев.

2X. 1. f4.

Вот эта замена третьих угроз и защита в двух вариантах и является новым в разработке идеи продолжения защиты. Эта задача не без недостатков. К ним относится бледный первый ход. Однако тщательный анализ

Третий приз получает задача М. И. Адабашева (Теганур). Характерная для стиля автора композиция. В последнее время Адабашев часто выступает с задачами подобного типа. В них нет обычной для современных задач сложности матовых положений, но сам матующий ход очень трудно находим. Шесть матов ферзем проходят в этой задаче с разных полей! Дело здесь не в рекорде, а в том, как тонко они мотивированы. Главную роль играют черные кони.

IV пр. — М. Адабашев.

2X. 1. Фс7.

Четвертый приз получает задача М. И. Адабашева (Теганур) — небольшая, но остротная задача с хорошими первыми ходами.

Основная комбинация, предложенная в данной задаче, встречалась и раньше, но Адабашеву удалось найти очень хорошую схему. Технически задача выполнена превосходно.

Пятый приз получает задача А. Г. Орешкина (Саранск). Сложная задача на «блестящую комбинацию».

Композиция свидетельствует о неутомимом росте и совершенствовании молодого проблемиста.

Шестой приз и специальный приз для начинающих авторов получает задача И. Канату (Москва). Тема продолжения защиты в очень сложной трактовке.

Седьмой приз получает задача А. Ветугина и Аюмова (Боренск) — очень сложная по замыслу задача с «троянными» попутниками на матующих ходах в двух вариантах.

Восьмой приз получает задача В. Н. Туркина (село Перелюб).

Специальный приз, установленный для женщин-проблемистов, присуждается Т. П. Пасхановой (Москва). В ее задаче достаточно хорошо проведена пугливая игра черной ладьи.

Задачи, получившие V—VIII призы и другие отклики, будут напечатаны в следующем № «Смения».

III. ПОЧЕТНЫЕ ОТЗЫВЫ

Почетные отзывы распределяются в таком порядке: 1) Ковалевский (Саратов), 2) мастер А. И. Кубяков (Ленинград), 3) И. Пенсин (Белгород), 4) В. А. Лебедев и А. А. Ротин (Ленинград), 5) А. М. Доборобин (Абастуман), 6) А. И. Соколов (Моск-

ва), 7) В. Ковалевский, 8) Р. Пономарев (Москва), 9) А. Г. Орешкин (Саранск), 10) А. Ф. Соколов (Ленинград), 11) А. Н. Сосин (Смоленск), 12) Ю. Павленко (Москва), 13) И. Т. Глазкин (город Константинов, УССР), 14) А. И. Сосин.

IV. ПОХВАЛЬНЫЕ ОТЗЫВЫ

Похвальные отзывы получают: И. Рымар (Киев), Н. Рознатовский (ст. Баландин, Саратовской железной дороги), А. Рышковский (Черкасск), И. Глазкин, И. Свечников (Баку), А. Ф. Соколов, А. Г. Трегер (Киев), Б. Тимочук (Днепропетровск), Р. Пономарев, И. Пустинников (Ленинград), П. Понуров (Рязань), А. Г. Орешкин, С. Борон (Будапешт,

Венгрия), Н. Деревенко (город Николаев), Р. В. Егоров (город Горький), Н. Ф. Голер (Симферополь), О. К. Германян, К. Гаврилов (город Горький), А. П. Корепин (Арлатов), А. Н. и В. А. Лебедевы (Ленинград), А. М. Ниянши (Москва), А. Берштейн и Гайдаров (Москва), К. Идикин (Свердловск), Н. Осинов (Тейково) и А. Каковин (Донбасс).

СОДЕРЖАНИЕ

Поль де Крюн — Кантализм думает науку; История мажорской Джона. А. Гари — На белом свете! К. Освальд — Блестящая «Правда». В. Иванов — Единственный в мире. А. Хит — Замески журналиста. М. Гольдберг — Похвала Москва. Самуэль Роджерс — Олсевич молодой человек. М. Дьяков — К полосу. А. Каскал — «50 лет тому вперед». К. Чуковский — Стихи Маяковского в «Чуковский». С кем боролся Маяковский (интервью В. Маяковского). В. Виктор — Синтез Головкин.

Письмо другу. — В столице Венесуэлы. — Заметки об ин тересных книгах. — Словарь читателя «Смения». — Шалости.

Рисунок: Г. Васильева, И. Гринштейна, П. Клетенберг, Н. Лиса.

Фото: Г. Захарченко, И. Гушина, И. Фигурова.

На обложке:

«Ассоль прогулка» — фототиз И. Гушина.

На обороте обложки:

«Всесилье» — фототиз А. Ванжакина.

ПОПРАВКИ

В № 3 «Смения» обнаружены следующие опечатки:

НАПЕЧАТАНО:	СЛЕДУЕТ ЧИТАТЬ:
Стр. 6-я. хол. 3-я, строки 18-я снизу: Хоминес	Хоминес
Стр. 22-я. хол. 1-я, строки 46-я сверху: Силах сверяли на срединно-морских областей	Силах сверяли на срединно-морских областей
Стр. 36-я. хол. 3-я, строки 10-я снизу, 10-я сверху, 28-я снизу: Малайзия	Малайзия

Отв. редактор В. А. Герасимова

Зам. отв. редактора М. Л. Гольдберг

Зав. иллюстр.-художественной частью В. И. Ури

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24, тел. Д 3-14-24

Сдано в набор 29 III—37 г.

Подписано к печати 21-IV—37 г.

Изд. № 382

Формат 72X110 см. 4 печ. л. 98 000 зн. в печ. л.

Удостоверенный Главлита № Б-10613

Выпускающий Н. В. Меркушев

Зак. № 726.

Тираж 45 000.

Типография газеты «Правда» им. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

